

Олег ОВЧИННИКОВ

Адажно

В КОКОНЕ
СМЕРТИ

Олег Овчинников

Арахно. В коконе смерти

«Автор»

2006

Овчинников О. В.

Арахно. В коконе смерти / О. В. Овчинников — «Автор», 2006

Психологический триллер о двух противоречивых состояниях человеческой души: АРАХНОфилии и АРАХНОфобии, что означает, соответственно, любовь к паукам и страх перед пауками. А что вы чувствуете, когда видите этих созданий? Ужас, отвращение или, может быть, нежность и умиление? Возможно, в светлой уютной квартире крохотный паучок, забившийся в щель в подоконнике, и способен вызвать добрые чувства, но огромная, невидимая во тьме, а потому всемогущая тварь, обитающая в глубокой пещере, – никогда. И горе тому, кто оказался с этой тварью наедине!

© Овчинников О. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава первая. Аля	5
Глава вторая. Толик Голицын	23
Глава третья. Антон	30
Глава четвертая. Толик Голицын	36
Глава пятая. Аля	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Овчинников

Арахно. В коконе смерти

Глава первая. Аля

Левый локоть – вперед, да подальше. За ним колено. Теперь подтянуться всем телом – аккуратно, чтобы брюхо не волочилось по земле. И, наконец, последняя часть марлезонского балета: бережно, если не сказать трепетно, точно мамину хрустальную салатницу, обеими руками подтащить к себе правую бесполезную ногу. Все. Загнуть первый палец.

Три глубоких вдоха сквозь зубы, и... левый локоть – вперед.

«Поздравляю с началом утреннего променада!» – усмехнулась Аля. Усмешка вышла горькой, как разжеванное натошак кофейное зерно, и кривой-из-за веревки, размочаленный конец которой она сжимала в зубах. Кстати, какого лешего она тянет за собой эту пыльную капроновую пуповину? Свой короткий, но такой изматывающий ежедневный маршрут Аля могла бы проползти и с закрытыми глазами. Да что там – не раз уже проползала. Все равно, как ни таращь глаза, без фонарика ничего не разглядишь в окружающей мгле, а последний комплект батареек она берегла. Так для чего веревка? Наверное, по привычке. Кроме того, капроновый кляп неплохо заглушал стоны, которые иначе убегали куда-то вдаль, отражаясь от тесных стенок и свода, а потом вдруг возвращались, когда уже не ждешь, странным образом усиленные и пугающие до жути.

Аля поморщилась и продолжила свой нелегкий путь.

Локоть, колено, все остальное и – фарфоровую вазочку с изящной позолоченной ручкой – правую ногу. Загнуть палец.

Локоть, колено, брюхо и – тончайшие крылышки ночной бабочки – уродливую ногу. Загнуть палец.

Локоть, колено, пузо и – растрескавшийся тысячелетний черепок под нежной кисточкой археолога – эту чертову ногу!

Аля и представить себе не могла, что это может быть так тяжело – загибать пальцы.

Локоть, колено, подтянуться и – ласковые... ласковые как... На семнадцатом ползке – она успела загнуть все пальцы на обеих руках и снова отогнуть семь – это все-таки случилось. На ее пути оказался камень, крошечный булыжник, неуверенно, точно расшатавшийся зуб, сидящий в своем гнезде. Нога проволокалась по нему, ненароком сковырнув, подпрыгнула на остром крае и ударилась коленкой об пол. Боль тупой спицей вошла в колено, в трех местах прошла изуродованную голень, брызнула искрами из разом промокших глаз. Так что Але на миг показалось, что в погруженном в вечную тьму тоннеле кто-то включил верхний свет. В течение нескольких мгновений она могла отчетливо видеть его неровные тесные стены в грязно-розовых прожилках обнажившегося карста и, если бы не слезы, разглядела бы все, вплоть до мельчайшей выщербинки в каменном полу и глубоких незаживающих царапин на трех так и не разжавшихся пальцах.

Потом свет померк, боль осталась, и Аля тихонько заскулила от безысходного отчаяния. За что ей все это, а? Ну за что?

Она позволила жалости удерживать верх над собой несколько тягучих минут. Потом глубоко вздохнула. Посильнее сжала в зубах обтрепавшийся конец веревки. И... двинула вперед левый локоть. Да подальше.

Через тридцать четыре ползка надо будет свернуть. В стене по правую руку откроется ниша, низкая, по колено нормальному человеку, так что если не загибать пальцы, можно про-

ползти мимо. А разворачиваться в тесном тоннеле с ногой, торчащей в сторону, как чертежная лапка циркуля, это совсем другая история!

Вынужденная монотонность действий не раздражала Алю, напротив, в ней присутствовало что-то успокаивающее. Она не мешала ей думать. Не мешала вспоминать о тех днях, когда все в ее жизни было хорошо. Пусть скучновато порой, зато спокойно. Милый Боженька, как же мало ценила она маленькие радости обыденной жизни! И как много отдала бы сейчас за возможность просто помыть голову с ромашковым шампунем, закутаться в домашний халат, вдеть босые ноги в тапочки, выйти на... А вот это странно. У них ведь никогда не было балкона. И все равно в своих повторяющихся мечтах она постоянно видела его, словно фрагмент подсмотренного случайно чужого сна – уютный балкон с фигурной решеткой ограждения и подвешенными к перилам деревянными ящиками с какой-то зеленью. Она выходила на балкон, вдыхала глубоко, до боли под ребрами, пьянящий прохладный воздух, улыбалась солнышку, красному и уже частично скрытому далеким горизонтом – потому что вечер. И ветер ласково трепал ее пахнущие ромашкой волосы.

Как же ей не хватало этого сейчас! И как же она не догадалась, что лишится всего этого тогда, месяц с небольшим тому назад. В тот памятный день, когда, вернувшись от мамы, она застала Антона в финальной стадии сборов, деловито подтянутого и довольного, как самовар.

– Антош, опять? – с притворной строгостью спросила она.

Он ничего не ответил, лишь сделал рукой приглашающий жест, предлагая ей самостоятельно оценить масштабы приготовлений.

Та-ак... Аля обвела взглядом комнату. Вещи и вещишки, давно знакомые и те, которые она видела впервые, были аккуратно разложены на столе, на диванном покрывале, прямо на полу.

Два спальника. Один выдавший виды, другой совсем новый, веселенькой расцветки, наверняка предназначенный для нее. Раньше им хватало и одного, причем внутри оставалось еще пространство для нехитрого упоительного маневра. Но за последний год Тошка заметно округлился в талии, не то что располнел, но по-хорошему заматерел. Стал уютнее. Теперь, когда он с гантелями в руках подходил по утрам к зеркалу, в нем отражались уже не четкие квадратики пресса, а несколько крупных складок, подчеркнутых належанными за ночь красными полосками. В принципе, под полосками угадывались все те же квадратики, как угадываются под гребнями песчаных дюн силуэты башен засыпанного временем города, но в целом тенденция была очевидна – Тошка крупнел. Да и ей последнее время требовалось больше личного пространства. Так что два спальника-это, пожалуй, правильно.

Дальше. Походный котелок, не круглый, а вытянутый, с одной вогнутой стенкой – под спину. Совсем новый, судя по всему, только что отдраенный от заводской смазки. Взамен того, что утонул в Малой Вьюжке. Из котелка торчит верх пластиковой пятилитровой канистры. Рядом – их старенький «Шмель», с которого Тошка еще перед первым и единственным своим восхождением снял тяжелый кожух. «Не пригодится», – авторитетно пообещал муж. Кожух и правда не пригодился, да и сам примус можно было не брать – ради легкой двухчасовой прогулки.

Упаковка (пять коробков) обычных спичек. Еще две плоские пачки охотничьих, таких, что не гаснут даже в воде.

Сухое горючее. Четыре колбаски в фантике из вощенной бумаги. Каски со смешными лампочками на лбу и уходящими на затылок проводками. Два ручных фонарика с петлей для запястья. Десяток батареек «Орион».

Две пачки чая – «Бодрость» и со слоном. Большая алюминиевая кружка, одна на двоих. Фляжка в брезентовом чехле. Набор столовых приборов на две персоны.

Шесть банок стуженки с бело-голубой этикеткой. Двенадцать банок тушенки -настоящей, с широкоскулой буренкой на боку, а не с сомнительного качества китайской продукцией.

Аля вспомнила, как не смогла сдержать смех, прочтя на этикетке импортной банки слово «тушонка». А потом опять же не смогла объяснить пожилой продавщице, что ее так развеселило. Так, с опечаткой, «тушонка» представлялась ей этакой маленькой тушкой. Крошечной коровкой, выращенной специально под размер банки.

Два консервных ножа – с запасом, чтобы гарантированно не оказаться в ситуации героев Джерома К. Джерома или недавно вышедшей кинокомедии про «Спорт-Лото». Солидный Тошкин нож с множеством выдвижных лезвий – в нем были даже маникюрные ножнички и пилочка для ногтей.

Две аптечки: полезная, где лежат бинт, вата, йод, аспирин, активированный уголь и прочая необходимая мелочевка, и бесполезная, которую Тошка в свое время привез со сборов и теперь повсюду таскает с собой, заявляя с ухмылкой: «На случай атомной войны!»

И одежда не по сезону теплая. И две пары резиновых сапог. И посверкивающее пряжками и карабинами незнакомое снаряжение. И много чего еще.

– Ну. И куда на сей раз? – спросила Аля и немедленно убрала от груди скрещенные руки, одновременно оттолкнувшись плечом от дверного косяка. Слишком уж эта поза и интонация вопроса напоминали ее мать. И это пропахшее нафталином словечко «сей»... – Ты что задумал, Тош? А коньяк зачем? Мне же нельзя.

– Двадцать грамм можно, – заверил Антон. Он лихо открутил золотистую крышечку, как хомячок подвигал носом над бутылочным горлышком и изобразил лицом краткий миг блаженства. – Отпразднуем, когда заберемся за пазуху к матушке-Земле! – объяснил он и с сожалением отставил бутылку на стол.

«Пять звездочек»! – ужаснулась Аля. Да и прочее: котелок, второй спальник... Это сколько же денег ушло? Целая прорва!

– Так куда? – повторила она.

– Погоди, скоро узнаешь. У нас поезд через четыре часа.

«Ах да, еще же билеты!» – мысленно присовокупила Аля и так же мысленно вздохнула. А на что, позвольте спросить, они будут жить до следующей зарплаты? Или Тошка по секрету от нее получил премию? И все равно, вбухивать все деньги в какую-то очередную авантюру... В то время как ей уже хотелось, просто-таки не терпелось, купить каких-нибудь трогательных мелочей с кружавчиками и рюшечками.

– На вот, – Антон протянул ей рюкзачок, скорее детский, чем женский, с забавной аппликацией на кармане. – Для всяких твоих женских штучек, – пояснил снисходительно.

«Бережет!» – удовлетворенно отметила Аля.

Свой рюкзак упаковывал долго, доставал и перекладывал вещи раза три. Наконец застегнул. Не влезли только котелок и канистра. Установленный на край дивана рюкзак оказался ростом с Антона.

– Как же ты это все?.. – растерялась Аля. Но Тошка уже присел спиной к дивану, вдел руки в лямки и поправил мягкие наплечники.

– Нормально. Запас карман не тянет, – бодренько заявил он, вставая с рюкзаком. Пошатнулся, ухватился рукой за стол и заметил с удивлением: – Но мамочка моя! Как же он оттягивает плечи!

Снял рюкзак, ослабил завязки. По новой перераспределил вещи. На этот раз уместилось все, даже котелок. Правда, пришлось вынуть две банки тушенки и сгущенку, а коньяк из бутылки перелить во фляжку. Водрузив на плечи махину рюкзака, Антон подвигал шеей, сделал пару кругов по комнате и, видимо, остался доволен.

– Ну вот, совсем другое дело. Теперь хоть тундра, хоть тайга, хоть соленый Тихий океан – все пройду! И ты давай, давай, собирайся, – поторопил он Алю. – Все скоропортящееся и быстро сгорающее возьмем на месте.

Аля собиралась второпях. Покачала головой, разглядывая свой полевой костюм: пуговицу на брюках, по-хорошему, стоило бы перешить. Но когда, когда? А, в поезде разберемся! Покидала в рюкзачок кое-что из «женских штучек», только самое-самое, что успела: зубную щетку, недавно начатый тюбик болгарской пасты «Крест», расческу, мыло, иголки с нитками. Ну и конечно Любимую Книжку, с ней Аля не смогла бы расстаться даже на три дня.

Рюкзак получился легким – не рюкзак, а школьный ранец. Опять же эта легкомысленная аппликация... Рядом с Тошкой, согнувшимся под тяжестью груза, точно рабочий муравей, Аля первое время чувствовала себя неловко. Потом успокоилась и даже загордилась слегка: неси, неси, тебе положено. Муш-щина!

Только в вагоне, пристраивая в багажный рундук полупустой рюкзачок, пожалела мимоходом: сгущенку-то можно было взять. Сейчас бы с чайком... И тушенку, две банки, для кого оставила? Вон сколько места еще.

Аля снова вспомнила импортную «тушонку» и прыснула в кулак. Поймала недовольный взгляд Антона, еще не отдышавшегося после пробежки по перрону с трехпудовой нагрузкой за плечами, и заставила лицо посерьезнеть. Что-то она и впрямь расхихикалась сегодня. Как девочка!

Пять недель спустя при воспоминании о забытых дома на столе банках с коровами: двумя коричневыми и одной бело-голубой, ей уже не хотелось смеяться. Честно говоря, хотелось лечь и умереть, только мгновенно и безболезненно. Или выпиться зубами в запястье и в сотый раз проклясть собственную глупость. Это же надо – оставить целых три банки! За каждую из которых сейчас Аля отдала бы... «А что, собственно?» – спросила она себя, прерывая поток самообвинений. Руку? Палец? Нет, все жалко! Лучше уж ногу – правую, бесполезную, чтобы не мешала ползти.

Она волочилась за Алей как неродная. По ровному полу еще ничего, если все делать правильно и не спешить, а вот о том, чтобы спуститься или подняться с такой ногой по склону, даже ничтожно малому, она не могла подумать без содрогания. К сожалению, ее каждодневный маршрут – от Лежбища до Семикрестка, от Семикрестка до Поилки и назад – в нескольких местах вынуждал Алю карабкаться по пологой стенке колодца или спускаться в каверну. Неглубокую, но, Боженька, миленький, за что же ей такое?

Заранее настроившись на боль, предвкушая ее готовыми в любой момент дрогнуть и искривиться губами, Аля крепко сжала в зубах конец каната и процедила, не обращая внимания, что голос ее звучит глухо и невнятно, словно у столетней старухи:

– Милорд! Предложите даме хотя бы руку!

Всего каких-то полметра. Максимум сантиметров семьдесят. Развернуться спиной к краю каверны, спустить вниз здоровую ногу, нащарить ступней опору и медленно, цепляясь руками за боковые выступы, перенести на нее вес тела. После чего, как водится, взять больную ногу в руки и бережно, точно переливающийся на солнце мыльный пузырь, которого стоит коснуться и на руках останется только липкая мыльная пена... Ничего сложного – на словах не сложнее, чем слезть с лошади. На деле ей редко когда удавалось проделать этот маневр без боли. Но сегодня, по счастью, был как раз один из таких редких дней.

– Благодарю вас, милорд! – пробормотала она, еще не веря до конца, что один из сложных этапов пути пройден без потерь. Хотя, как знать, может, каверна просто копит силы в ожидании ее возвращения? Спуск получился безукоризненным, а вот удастся ли ей так же легко подняться назад? – Вы очень мне помогли. Скажите, где я могла видеть вас раньше?

Если бы Тошка был рядом, подумала вдруг, он бы помог? Руку хотя бы подал? Или смотрел бы со стороны на ее неловкие трепыхания, на эти черепашьи бега наперегонки с болью, находя в них повод для едкой насмешки?

Ей ужасно нравился прищур его умных карих глаз. И густые черные волосы, в попытке пригладить которые лишилась своих зубов не одна расческа. И как он пересказывал ей то,

что сам только что вычитал в какой-нибудь умной книге – авторитетно и убедительно, как по писаному, но вместе с тем так увлеченно, так страстно, что она сама невольно заражалась его мальчишеским азартом. И как, то и дело повторял «Мамочка моя!» – темпераментно, как в цветных итальянских фильмах, которые их не признающий полутон «Рекорд» делал черно-белыми. Но кое в чем, ей приходилось это признать, Тошка был несносен.

Вот и в тот раз, когда она едва не растянулась во весь рост, не сделав и десятка шагов в глубь пещеры, он хоть и пришел к ней на помощь, стиснув в нужный момент тонкие локти, но при этом не упустил возможности вставить колкое замечание.

– А под ноги не пробовала смотреть? Или ты думаешь, для тебя в скале ступеньки прорубили? Может, еще и свет электрический провели? Не-ет, – помотал головой, пока сквозь внешнюю язвительность не проклюнулось давно вынашиваемое восхищение, и продолжил глуховато-торжественным голосом: – Здесь все первозданное, дикое, неисследованное! Не исключено, что до нас с тобой тут вообще не ступала нога человека. Представляешь? Это же мамочка моя что такое! Ты только подумай, Алька, ни единого человека! Разве что лапа пещерного медведя или льва. Да ты не бойся, не бойся, они все еще в плейстоцене вымерли. А пещерный лев вообще только по названию пещерный, жил-то он по большей части на равнинах и в предгорьях. Но по сторонам на всякий случай посматривай, – тонкие губы изобразили зловещую усмешку. – Ведь, как известно, обитатели пещер в большинстве своем характеризуются слепотой, депигментацией и гигантизмом.

В его карих глазах с искорками отразилось ее лицо – бледное, не на шутку встревоженное. Затем в них промелькнуло удовлетворение, и Аля без труда догадалась о его причине. Конечно, теперь она наверняка воздержится от самостоятельных вылазок во время привала, не отстанет и не рискнет углубляться в боковые проходы, а будет внимательно следить, чтобы впереди, на расстоянии оклика всегда маячила надежная спина мужа. Похоже, именно этого и добивался Антон, пугая наивную женщину львами и медведями. Он улыбнулся и звучно щелкнул ее по прикрытому каской затылку.

– Эх ты, трусишка!

Сработал выключатель, и широкий луч фонарика осветил худое строгое лицо в ореоле трехдневной щетины: Антон принципиально не брился НА ВЫЕЗДЕ, считая, что именно борода превращает обычного мужчину в бесстрашного покорителя природы. Он зажмурился на свет и отвернулся. Включил собственный, как он его называл, налобник и уверенно пошел первым, раздвигая сумрак лучом, внимательно поглядывая под ноги и по сторонам. Первые сотни метров пути обещали быть легкой прогулкой. Пол более-менее ровный, уклон небольшой – не пещера, а просто-таки аккуратная штольня! Страховка и прочие приспособления понадобятся позже.

Аля двинулась было за мужем, но замешкалась, оглянулась назад, к ярко очерченному силуэту входа в пещеру. Луч ее фонарика немедленно побледнел и растворился, окунувшись в толщу дневного света. Там, снаружи, осталась неподвижная изнуряющая жара казахстанской степи. Здесь, внутри, было заметно прохладней, но тоже пока сухо. Тошка обещал, что со временем влажность возрастет, но для этого надо спуститься вниз не на один десяток метров. Аля облизала сухие губы и еще немного побалансировала на границе света и тени. Двигаться дальше не хотелось. Изнутри пещера напоминала пасть великана, готовую проглотить все, что пошлет ей провидение.

– Антош, – позвала Аля, обнаружив, что осталась одна. Звук шагов мужа доносился откуда-то издалека, еще немного – и он совсем растворится в гулкой, обволакивающей тишине пещеры. Луч фонарика заметался по провалам и выступам черных стен, повторяя движения Алиной головы. Антона не было видно: то ли свернул куда-нибудь, то ли попросту не хватало мощности фонарика.

– Анто-он! – позвала она снова, значительно громче, и неуверенно двинулась в глубь пещеры, на этот раз не забыв сперва посмотреть под ноги.

Из того, что муж рассказал о здешних обитателях, Алю больше всего напугали не слепота и даже не гигантизм, а трудное в написании слово «депигментация». Она, учительница младших классов, и то не была уверена, что не наделает в нем орфографических ошибок. К тому же, незнакомое слово казалось зловещим. Со слепым гигантом Аля бы еще как-нибудь справилась, но с депигментированным... Нет уж, лучше не пробовать!

– Анто-ош! – хрипло позвала она в предпоследний раз. И снова, изо всех сил: – Анто-ошка-а-а-а!!! – и закашлялась в конце. Разбуженное криком эхо еще некоторое время бродило по ходам и лазам, недовольно о чем-то бурча.

Все, на сегодня хватит.

Она всегда звала его ровно семь раз. По числу ответвлений Семикрестка, включая то, что засыпано обвалом, и то, из которого она только что приползла и откуда ее Антошка уж точно не появится. Звала, потом ждала, жадно ловя ухом каждый далекий шорох, каждый намек на звук, но улавливала только неровный стук собственного сердца и громкий шелест стесненного дыхания. Она все еще надеялась – непонятно на что, но с каждым днем все слабее.

Как всегда не дождавшись ответа, Аля отцепила фонарик, до этого болтавшийся на поясе рядом с пустой фляжкой, зажмурилась и повернула колпачок на рукоятке против часовой стрелки до щелчка. Она сразу же прикрутила колпачок в обратную сторону: импортный фонарик позволял плавно регулировать яркость, но все равно вспыхнувший посреди вековой тьмы лучик света успел проникнуть сквозь сомкнутые ресницы, заглянуть под веки – прямо в глаза, отвыкшие от такого бесцеремонного обращения. Теперь, Аля точно это знала, первые несколько минут ей придется смотреть на окружающее сквозь двойную призму из собственных слез и плавающих перед глазами светящихся кругов.

Строго говоря, тут не на что было смотреть. Аля и без света помнила наизусть интерьер пещеры и все равно всякий раз, добравшись до Семикрестка, зажигала фонарик, ощущая, как с каждой секундой по капле вытекает энергия из драгоценных батареек, и водила бледным лучиком по сторонам. Наверное, в глубине души она надеялась, что Тошка окажется здесь, что он все-таки вернулся, нашел дорогу назад и каким-то чудом дополз, а теперь лежит где-то рядом, возможно, на расстоянии вытянутой руки, без сознания или просто слишком слабый, чтобы откликнуться на ее зов. Слишком слабый, чтобы хотя бы прошептать.

Но его никогда не оказывалось рядом. Только невидимый свод пещеры, до которого не добивал экономный пучок света, да гладкость ноздреватых серых стен, пробуждающая воспоминания об уютном кирпичике пемзы, лежащем на краю ванны, да пугающая и одновременно манящая темнота расходящихся тоннелей.

Семь путей начинались здесь. Семь путей разбегались отсюда в разные стороны. Из этой проходной пещеры размерами чуть меньше школьной столовой или спортзала, но значительно больше учительской, где еще пару месяцев назад Аля пила чай и делила нехитрое угощение вроде домашнего «курабье» и конфет со своими коллегами.

Если отбросить направление, ведущее от Семикрестка назад к Лежбищу, а также рудиментарный огрызок заваленного хода, то путей оставалось всего пять. Как пальцев на руке. Аля так и заучивала их-по названиям пальцев, и до сих пор пользовалась этими названиями, хотя давно уже знала все здешние ходы-переходы как... как, собственно, и положено знать свои пять пальцев. Например, самый правый ход, то есть мизинец, вел к Поилке, безымянный палец – прямиком в Колонный Зал, средний и большой пальцы закольцовывались на манер принятого среди иностранцев жеста «ОК», что значит, «все хорошо», а вот указательный – и с ним было далеко не все хорошо – в конце концов выводил к Обрыву.

Посветив по очереди в каждый из тоннелей, словно детский врач со смешным зеркальцем на лбу, который последовательно заглядывает в уши, ноздри и горло малыша, Аля выключила

фонарик. И через полминуты включила снова, поярче: ей показалось, что в проходе безымянного пальца в районе первой фаланги взгляд наткнулся на что-то непривычное. Что-то, чего она не замечала там прежде, сильно напоминающее силуэт прислонившегося к стене сидящего человека. Аля устремила в ту сторону луч фонарика и взгляд своих слезящихся, сильно сощуренных глаз, и сама устремилась следом, не замечая того, сделав три или четыре ползка, слава Богу, безболезненных... И только здесь остановилась, не удержав в груди горький вздох разочарования. Всего лишь неровность в скале. Неуклюжий выступ в изгибающейся стене высотой в половину человеческого роста, кстати сказать, не в первый раз сыгравший с ней эту злую шутку.

Злясь на себя, Аля щелкнула колпачком на рукоятке фонарика, закрутив его по часовой стрелке до упора. Подождала минуту, успокаиваясь и... щелкнула снова. А вдруг там, за выступом... – мелькнула несмелая догадка. Слишком несмелая, чтобы оформиться до конца.

Но нет, конечно же, никого там не было. Только скала, гладкая и пористая, как щека великана, увиденная глазами Свифтовского Гулливера, и выступ в ее основании, похожий на огромный уродливый нос. Все остальное – коварная игра света, тени и болезненного воображения.

На этот раз Аля не только отключила фонарик, но и прицепила его к поясу, подальше от соблазна. И все равно долго еще не могла заставить себя отвести взгляд, уже не видящий, от входа в тоннель безымянного пальца.

Ей нужно было не туда, а в соседний, иначе говоря, в мизинец, причем не мешкая. Жажда уже высушила губы, а кончик языка воспалился от постоянного облизывания, так что эти шестьдесят три ползка с двумя поворотами и долгой остановкой в конце ей следовало сделать как можно быстрее.

Но что-то как будто принуждало ее застыть в этой напряженной позе и снова и снова вглядываться в черноту в том месте, где меркнувший луч фонарика высветил напоследок овальную арку входа, и злополучный выступ справа, и спешащие друг навстречу другу стены. Что-то влекло ее туда, в тоннель безымянного пальца. Того самого, на котором замужним женщинам полагается носить обручальное кольцо. Вспомнив об этом, Аля непроизвольно сжала правую ладонь в кулак. Медленно разжала. Свое она оставила дома, чтобы не потерять и уберечь от царапин. Да и пальцы в последнее время стали какие-то неуклюжие, распухли, как сосиски, без мыла уже и кольцо не наденешь. А мыло под землей – большая роскошь, в модуль жизнеобеспечения не вписывающаяся, так Тошка сказал. А еще он сказал: «Кстати, ты в курсе, что первое мыло древние индийцы получили случайно, когда сплавляли вниз по Гангу тела своих кремнированных родичей?»

Это воспоминание подействовало на Алю, как порция свежей соли на старую рану. Если и не взбодрило (взбодрить ее сейчас смогла бы разве что ванна, полная белоснежной пены и горячей воды, ванна, над которой поверх осточертевшей стиральной доски возвышался бы поднос с парой яблок, кружкой молока и бутербродом из половинки трехкопеечной булочки с маслом и сыром; о большем Аля и не мечтала) то, по крайней мере, вывело из прострации. Не время витать в облаках, раздраженно одернула себя Аля, время ползти. Что бы ни говорил по этому поводу А. М. Горький.

Поэтому она поползла, решительно, даже зло, но в то же время экономя силы, четко просчитывая каждое движение. И на этот раз, проползая мимо, даже не обернулась в сторону тоннеля, ведущего в Колонный Зал. В то место, где ей в последний раз было хорошо. Им обоим было...

В тот день – вполне возможно, что где-то там наверху, в сотнях метров над их головами, в безлюдном царстве ковыля и саксаула как раз стояла глубокая ночь, но поскольку оба они не спали, для них это был как бы день – так вот, в тот день они оказались здесь случайно. Можно сказать чудом. Тогда Семикрёсток еще представлял собой действительно Семикресток, и они

успели уже изучить большинство исходящих из него путей. И тот, что вел к озеру-колодцу, в котором Тошка искупался, несмотря на ледяную воду, а потом полночи изводил Алю монотонной зубовой дробью и каждые сорок минут дрожащим голосом просил коньяка. И тот, что заканчивался обрывом, до дна которого они не досветили фонариком, не докричались через сложенные рупором ладони, а брошенный вниз камешек отозвался гулким эхом только на счет «И-и-и шесть!» И совсем короткий, упирающийся в уютный сухой тупичок, в котором они провели две ночи и окрестили Лежбищем. И, наоборот, длинный и довольно трудный путь, по которому они пробирались часов семь, стараясь не думать о том, как будут возвращаться, а в итоге неожиданно для себя снова оказались на перекрестке семи дорог. Слава тебе, Боженька, на том же самом. Тошке, правда, все равно пришлось вернуться nasledующий день, нырнуть в ответвление большого пальца и спустя без малого треть суток вынырнуть из среднего-чтобы отмотать веревку, которой они накануне отмечали пройденный путь. А Аля все это время ждала его в Лежбище, свив себе настоящее гнездо из двух спальников, закутавшись в них с головой и в слепящем свете налобника мечтая также, с головой, уйти в Любимую Книгу, чтобы не чувствовать полного – на многие километры в любую сторону -одиночества и не вздрагивать каждый раз при звуке далекой капли, падающей с высокого потолка в огромное черное блюдо Поилки. А еще – не думать о том, что это Лежбище, эта уютная пещерка-альков неподалеку от водоема, в центре которой Аля соорудила свое гнездышко, вполне вероятно, раньше служила берлогой какому-нибудь доисторическому пещерному медведю... или даже льву, который, в отличие от своих соплеменников, не пожелал селиться на равнинах или в предгорьях.

В результате к исходу дня Тошка вконец вымотался из-за дороги, а она – от страха и ожидания, и никто на другое утро, мягко говоря, не горел желанием исследовать последнее, седьмое ответвление Семикрестка. Тоннель безымянного пальца или просто безымянный тоннель, как называла его Аля.

Но они все-таки решились. Собрали в кулак остатки воли, сложили в несерьезный Алин рюкзачок остатки скоропортящейся еды и пошли. Отправились налегке, все лишнее оставили в Лежбище. Потом подумали, переглянулись, ослепив друг друга светом налобников, и оставили там же большую часть необходимого, включая специальное снаряжение для спуска и подъема по крутым склонам. «Если своим ходом не пройдем, значит, не судьба, вернемся», – пообещал Тошка, и Аля с радостью его поддержала. Только предложила взять с собой хотя бы один спальник, на случай привала.

И стоило ради этого так долго готовиться? – с сарказмом, к которому примешивалась большая доля облегчения, думала она пять минут спустя. Их вылазка грозила закончиться, едва начавшись. Уже через сорок метров просторный тоннель стал ходом, теперь Аля могла одновременно коснуться обеих его стенок, просто разведя руки в стороны. Спустя короткое время для этого стало достаточно развести в стороны локти.

Когда ход сузился настолько, что через него приходилось уже буквально протискиваться, Аля попыталась было высказаться за возвращение, но прикусила язык. Ее остановила мысль о том, что весь этот поход, а в особенности сегодняшняя вылазка, возможно, станет последним ее безрассудным поступком на ближайшие несколько лет. Да-да, несколько лет принудительной рассудительности, жизни по режиму и строгого ограничения в питании. Поэтому, когда ход в свою очередь на глазах превратился в лаз, Аля не стала возмущаться, а просто опустила на четвереньки и целеустремленно поползла следом за Тошкой. Что бы ни ожидало ее впереди, унылый тупик или забытая сокровищница древних царей, она собиралась насладиться своим последним приключением сполна.

Скорее, все-таки тупик, разочарованно подумала Аля, когда ее каска второй раз чиркнула по низко опустившемуся потолку.

– Еще метров десять, ну пятнадцать – и разворачиваемся, – решил Антон.

– Хорошо, – согласилась она и на всякий случай чуть приотстала. В тесном лазе и так было уже не развернуться двоим.

Вскоре впереди послышалось сопение. Тошка сопел громче, чем обычно по утрам, размахивая гантелями перед зеркалом.

– Что там? – окликнула Аля. Со своего положения она могла видеть только ноги Антона в черных непромокаемых сапогах. Сапоги ерзали вперед-назад, совершая быстрые движения без какой-либо системы и видимого смысла.

– Сейчас... Погоди... – донеслось до нее с некоторым опозданием и как-то глухо, словно Тошка засунул голову в аквариум или разговаривал с ней из другого помещения.

«А что, если он застрянет в этой кротовой норе? – испугалась Аля. Как же я вытащу его обратно? За ноги?»

Но вот исчезли и они. Только черный кружок сузившейся до предела горловины тоннеля. Свет налобника просто тонул в черноте, ничего не высвечивая.

– То-ош? Ты где? – опасно позвала Аля.

Долгое время никто не отвечал. Потом в черном кружке показалось Тошкино лицо, его горящие, широко распахнутые глаза и сбившаяся набок каска.

– Алька! Немедленно ползи сюда! – вслед за головой в тоннель просунулась рука, закрутилась нетерпеливым пропеллером в зовущем жесте. – Ты не представляешь!.. – произнес Тошка возбужденно и почему-то громким шепотом.

Заинтригованная, Аля поспешила вперед по сужающемуся раструбу лаза. «А если застряну я?» – мелькнула запоздало паническая мысль. Однако она не застряла. Тошка не позволил, аккуратно принял на той стороне, помог подняться на ноги.

Да, здесь было достаточно просторно, чтобы выпрямиться в полный рост. А еще здесь можно было танцевать, а также бегать и прыгать в высоту... с шестом. Аля запрокинула голову, пытаясь хотя бы приблизительно оценить размеры помещения, в котором оказалась, и, видимо, именно от этого движения сам собой вдруг раскрылся ее рот. Ужас как неприлично!

Она бросила быстрый взгляд на мужа – он смотрел на нее с хитрой довольной улыбкой, – не найдя слов, покачала головой и снова медленно закружилась на месте, осматриваясь.

Конусы света от их налобников пронизывали темноту, перекрещивались, возбужденно плясали на поверхностях смутно угадываемых предметов, совсем как лучи прожекторов в заставке «Мосфильма». Того и гляди выхватят из окружающей тьмы какую-нибудь циклопических размеров статую. А что, Аля бы совсем не удивилась. Конечно, не работа скульптора Мухиной, но какой-нибудь застывший сказочный великан замечательно вписался бы в интерьер пещеры. Не учительская, и даже не спортивный зал – огромная зала, которой место разве только в сказке или в средневековом замке. В заброшенном замке, чьи обитатели куда-то ушли... или уснули...

Аля глубоко вдохнула – воздух пах влагой и простором – и сказала только:

– Мамочка моя!

Или это сказал Тошка, а она с ним лишь безоговорочно согласилась? Ах, не ищите последовательности в словах и поступках восхищенной женщины!

– Нравится? – тихо спросил Антон, и она, плотно сжав губы, несколько раз кивнула. – Пойдем!

Он взял ее за руку, и они пошли прочь от высоченной, немного нависающей над их головами стены к центру пещеры. Впрочем, тут все такое огромное, подумала Аля, что сразу и не разберешь, где он, центр.

Ей казалось, что она очутилась в каком-то музее. Забралась в червоточину безымянного тоннеля, сузившегося в конце до размеров слухового окошка, и выбралась наружу где-то в запасниках Эрмитажа... или даже Лувра. Мысль об этом вызвала у нее короткий и приятный приступ головокружения. Или она просто слишком энергично крутила шей, стараясь увидеть

сразу все и жалея только об одном: почему все-таки никто не догадался провести сюда электрический свет? Но, милый Боженька, как же все сверкает!

И Тошка шел рядом, светил фонариком, как указкой, и рассказывал обо всем, что она видела, не хуже музейного гида. Она слушала вполуха, иногда рассеянно повторяла что-то совсем уже непонятное. Сталактиты, сталагмиты... Господи, да какая разница, когда кругом такая красота! Ах, оказывается, разница в том, что одни свисают с потолка, как сосульки, а другие как бы произрастают из земли? Надо же... А они хрустальные? А вот это как называется? Ну когда от пола и до самого потолка, как колонна? Сталагнат? Ох, совсем запутал бедную девочку... Или дразнишься? А, признавайся! Нет? А вот эта – почему такая? Ну вроде как мутная.

Хрустальная бахрома свисала с потолка, хрустальная трава поднималась ей навстречу с каменного пола, хрустальные сосульки, разделенные высотой пещеры, тянулись друг к другу и иногда дотягивались, чтобы слиться в подобие хрустальной колонны. Колонны нравились Але больше всего. И они не стали нравиться ей меньше даже после того, как Тошка – счастливый тем, что у него наконец-то появился повод выплеснуть на нее целый ушат почерпнутых из умных книжек знаний, – объяснил, что на самом деле колонны состоят не из хрусталя, а... Впрочем, она тут же забыла название. И мутные среди них попадают, из-за взвеси карбоната кальция. По той же причине возникает осадок – видишь белесый налет? – во всех этих лужицах у нас под ногами. Воду в них еще называют горным молоком. Что? Пить? Конечно можно. Она, правда, едва ли приятная на вкус, но совсем не вредная. А зубы от кальция становятся только крепче.

Но Аля не стала пробовать воду. Боялась разочароваться из-за пустяка и этим смазать все впечатление от Удивительной экскурсии.

До чего же они разные! – восхищалась она, шагая между колонн, проводя ладонью по их гладким влажным бокам. Есть искривленные и безукоризненно прямые, в обхват рук и совсем изящные, сросшиеся недавно и оттого напоминающие приталенный силуэт песочных часов и те, которым до срастания осталась сущая малость – каких-нибудь десять сантиметров. Разве не чудо?

Аля заглянула к себе в душу и увидела, что абсолютно счастлива. И от собственных ощущений, и оттого, что Тошка доволен, как монах-отшельник, на огонек к которому заглянул долгожданный слушатель. И она готова была слушать мужа сколько угодно, пока у него не устанет язык или не иссякнет поток заботливо собранной информации, кивать ему, когда по нему видно, что он ожидает кивка, задавать уточняющие вопросы.

– Скажи, а вот этот... Ну, как ты там говорил...

Но Тошки уже нет рядом. Он неожиданно сорвался и убежал куда-то в сторону, мимоходом тронув ее за локоть и пообещав:

– Я сейчас.

Потом вернулся, вертя в пальцах какой-то камешек размером с куриное яйцо.

– Что это? – как ребенок при виде новой игрушки, оживилась Аля. Еще немного, казалось ей, и она просто лопнет от восторга. – Что-нибудь драгоценное?

– Наполовину, – кивнул Антон. – Это оникс, полудрагоценный камень. Причем, обрати внимание, он не серый, не розовый и даже не зеленый, а черный. То есть, перед нами собственно оникс или, иначе говоря, агатовый. Держи!

Аля взяла на ладошку тяжеленький бесформенный камешек и послушно изобразила понимание. Хотя, если честно, тусклость камня и его черный в серую полосочку цвет, фактурой напоминающий хозяйственное мыло, не сильно ее впечатлили. Она бы скорее предпочла, чтобы он оказался розовым. Или зеленым. И хотя бы немножечко отполированным.

– И что это означает? – спросила она, не зная, что дальше делать с камнем.

– А это означает, разлюбезная моя супруга, что мы с тобой забрались черт знает как глубоко. Черные слои оникса залегают глубже всех остальных. Так что над нами сейчас, – Тошка задрал голову и прищурился, будто бы пытаясь взглядом пронзить многотонную толщу гранита и определить на глазок расстояние до поверхности, – не одна сотня метров карстовых пород.

Аля посмотрела вверх, на далекий свод пещеры и зажмурилась. Ее качнуло. Все эти метры, тонны и карстовые породы внезапно навалились на нее, надавили на плечи и грудь так, что потемнело в глазах.

Это продолжалось всего пару секунд, но Тошка заметил.

– Что с тобой? – озабоченно спросил он, крепкими ладонями сжав ее плечи.

– Ничего. Голова закружилась. Уже ничего.

Он все равно настоял, чтобы она присела, выбрал место посуше, расстелил спальник, усадил. Аля села, опершись спиной о твердую гладкость какого-то стала... Как же его? И почему они все так похоже называются? Сталагната, что ли?

Антон опустил на корточки перед ней, заглянул в глаза, совсем как доктор, только вместо зеркала на лбу – мощный фонарик, и, кажется, остался доволен увиденным. Снисходительно дернул за нос. «Ох уж эти мне ваши женские штучки!» – прочла Аля в его взгляде.

А он сел рядом, неловко обхватив руками за плечи. Сидеть так было не очень удобно, но Аля ничем не выразила недовольства. Заботится – значит волнуется, значит любит. «Чего же тебе еще, подруга?» – спросила себя Аля и задумалась над ответом.

– Красота-то какая, а, Аль? – сказал Тошка, и луч его фонарика прочертил широкую дугу в темноте. – Красотища! Пусть Снежная – самая глубокая, а Оптимистическая – самая длинная, но разве в них ты найдешь такую красоту? Да что там, даже Урултаю с его хрустальным залом до дешеских красот мамочка моя как далеко! И все это – только для нас с тобой, представляешь?

Ничего не зная об Урултае, Аля осторожно спросила:

– А почему тут никого, кроме нас, нет?

– Так не знает никто, – пожал плечами Тошка. – Или бояться. Тут же полигон... Помнишь, я тебе показывал: забор, колючку... Да и до поселка ближайшего – полдня пыль топтать. А если дождь, то и за день не доберешься. Это нам с тобой повезло с попуткой. Да и вообще... Ты хоть чувствуешь, как нам с тобой повезло?

Аля чувствовала. Потому-то и ответила на собственный вопрос, пусть с опозданием: «Ничего. Ничего больше не надо. Все, что нужно, у меня уже есть».

Тошка решительно поднялся, точно от избытка чувств не мог долго сидеть на одном месте, протянул ей руку.

– Ну, отдохнула? Идем!

И они долго еще бродили между колонн, где-то спокойно, взявшись за руки, где-то – цепляясь друг за дружку и потешно скользя, не считая времени и не экономя на восторженных междометиях, пока Тошка не остановился со словами:

– Вот здесь, пожалуй, и обоснуемся. А? Чем не праздничный стол?

В одном из углов пещеры, которая все-таки оказалась безграничной, посреди сталагмитовой рощи образовалась небольшая полянка. В центре ее из гладкого слюдяного пола поднимался пологий холм, похожий на спину не до конца закопанного мамонта. Он был невысоким, по пояс взрослому человеку и очень гладким, словно вылизанным временем.

– Есть хочешь? – с усмешкой спросил Тошка. Она громко демонстративно сглотнула. Еще как!

– Но сначала предлагаю накатить по чуть-чуть, – он отвинтил колпачок фляжки, глянул на жену немного смущенно. – Для аппетита.

Аля, как водится, поломалась для вида – но недолго: ломаться долго в таком чудесном месте было просто невозможно – и, озорно блеснув глазами, позволила Тошке уговорить себя.

– Ну, разве что для аппетита.

– Да, для аппетита, – радостно подтвердил Антон. – Давай зато, что мы в конце концов оказались здесь.

Аля взяла протянутую рюмку, вернее сказать, выкрашенный зеленой краской алюминиевый колпачок, проглотила залпом пахучий коньяк и даже не поморщилась. Только непрощенная слезинка одиноко скатилась по левой щеке.

– За то, что мы здесь оказались, – выдохнула она.

– Да, – кивнул Тошка и отхлебнул прямо из фляжки. – А теперь давай угощайся. Налетай, пока горячее.

Это была шутка: примус вместе с остатками надоевших консервов и круп оставили в Лежище. С собой взяли только «свежатинку», никаких консервантов, если не считать обрубка сервелатной волшебной палочки по 9.80 за кило. Только мятый картофель в намертво ввевшемся мундире, мягкие огурцы, вялые веточки кинзы и петрушки, лук, некогда зеленый, а теперь пожелтевший; с особым подозрением ели яйца. Но ничего, вроде бы обошлось без жертв. Нашлось даже молоко в литровом пакете-пирамидке. Купленный в местном магазине, где он проходил по прейскуранту под забавным названием «кумыс говяжий». Пакет сперва затерялся где-то среди прочих припасов, а этим утром неожиданно обнаружился. Конечно, за неделю пребывания под землей молоко успело превратиться в простоквашу, но и простокваша очень даже пришлась ко столу.

– Налегай, налегай на колбасу, – командовал заботливый Тошка, скармливая ей горбушку черного хлеба с кружочками сервелата. – Все равно завтра домой, не обратно же тащить.

– Да? А если я объемся и в лаз не пролезу? – сопротивлялась Аля. – Если застряну в стене, как Винни-Пух?

– Ничего, не застрянешь. Мы тут, наверное, задержимся. Переночуем, а завтра с утра уже двинемся. Ты не против?

Нет, она была не против.

Оставшийся после пиршества мелкий мусор аккуратно завернули в целлофан и убрали обратно в рюкзачок. Мусорить в Колонном Зале казалось кощунством.

Кстати, именно тогда пещера получила свое название. В тот день они исходили ее вдоль и поперек, все, что смогли, увидели, все, до чего дотянулись, потрогали и постарались запомнить. Тошка раз пятнадцать обругал себя за то, что не взял в поездку свой «Зенит». «Кто же знал, – однообразно сетовал он. – Кто знал...» Впрочем, вспышки к фотоаппарату у него все равно не было.

В конце концов их путь завершился у знакомого холма.

– Давай устраиваться, – сказал Тошка и стал деловито разворачивать спальный мешок. – Завтра тяжелый день. Пока наверх выберемся, пока до поселка доплетемся, а потом еще на вокзал... Ох-ох-ооох! – Он зевнул.

– Мы что, будем спать здесь? – удивилась Аля. – На столе?

– Это не стол, а подходящий элемент ландшафта. Сухой и более-менее ровный. А что тебя смущает?

– Да... ничего, – Аля неопределенно помотала головой. Никаких аргументов против вроде бы не приходило на ум. – Просто странно.

– Ничего странного. Давай уже, ложись, – сказал Тошка, помог Але снять каску и выключил налобник. – Я тоже, сейчас...

Примус остался далеко, по ту сторону безмянного тоннеля, поэтому когда в темноте послышался тихий перестук спичек в коробке, Аля подумала, что Антон собирается сжечь перед сном таблетку сухого горючего, как уже пару раз делал в Лежище. Конечно, для того,

чтобы действительно прогреть огромную пещеру таких таблеток понадобилось бы, наверное, миллион, но, как правило, хватало и легкого запаха дыма, чтобы почувствовать, как теплеет вокруг. Психологически теплеет. Однако Тошка удивил ее: вместо круглой таблетки достал откуда-то настоящую свечу. Оказывается, в своей потрясающей предусмотрительности он догадался захватить и ее. Лежа на спине, Аля заморожено наблюдала, как свеча медленно проплывает над ней, склоняется над обломком черного оникса, чтобы пролить над ним несколько парафиновых слез, а потом сама утверждается сверху. Только теперь Аля обратила внимание, что этот невзрачный камешек непонятной формы идеально годится на роль подсвечника. Сразу стало психологически тепло и так... романтично.

В ту ночь они с грехом пополам забрались в один спальник. В последний раз.

Потом Тошка заснул, только часто ворочался, пытаясь отыскать удобную позу, и периодически всхрапывал, когда сделать это не удавалось. Ему было не слишком комфортно на твердом ложе и в непривычной тесноте. А Аля долго еще лежала с закрытыми глазами, перебирая в уме большие и маленькие радости прожитого дня.

В этой пещере, казалось ей, обязательно должны обитать гномы. Или какие-нибудь еще сказочные персонажи, но обязательно добрые. Среди них она чувствовала себя Белоснежкой.

О том, что у сказки не всегда бывает счастливый конец, Аля не думала. И вообще, ни одна тревожная мысль не посетила ее за весь этот день, ни единое дурное предчувствие.

В частности, ей не приходило в голову, что минеральные образования, украшающие стены и пол пещеры сильно смахивают на зубы. Гигантские и очень крепкие, потому что за тысячи лет непрерывного роста они ни разу не испытывали недостатка в кальции. Ее также не озаботил тот факт, что холм, на вершине которого она лежала рядом с мужем, больше, чем на спину закопанного мамонта, походил на алтарь. А ведь, как, без сомнения, объяснил бы Тошка, если бы Але удалось его растолкать, первоначально алтарь представлял собой не что иное как жертвенник. То есть место для ритуальных жертвоприношений. Наконец, она так и не смогла сообразить, что же так насторожило ее в Тошкином предложении улечься спать на месте недавнего пиршества. Между тем причина ее настороженности была весомой и очевидной. Суть в том, что люди, как правило, не имеют привычки лежать на столе. По крайней мере, живые люди.

Но ни о чем таком Аля, разумеется, не думала. Она ощущала лишь приятную усталость и покой. Слушала капель с потолка и, чтобы все-таки заснуть и завтра не клевать носом всю долгую дорогу до вокзала, считала про себя невидимые мутноватые капли.

Кап... Кап... Кап...

Теперь она считала тройками. Шестидесят три замечательно делится на три, без остатка, и Аля загибала палец – либо отгибала, если загибать становилось нечего – уже не всякий раз, когда подтягивала к себе правую ногу, а только после трех подтягиваний. Так было легче считать. Ползок, другой, третий – загнуть палец и полежать немного, переводя дыхание. Двадцать одна остановка – и привал. Вернее сказать, водопой.

Строго говоря, она могла бы обойтись без счета вообще, на всем участке пути от Семикрестка до Поилки нет никаких посторонних ответвлений, куда она могла бы по ошибке свернуть, а само озерцо-колодец чувствуешь издалека, но она все-таки считала. По привычке и потому, что счет помогал ей, если можно так выразиться, скоротать время в пути.

Длинные вязаные перчатки со срезами на кончиках пальцев, предохранявшие ладони и запястья от порезов и ссадин, Аля давно потеряла. Сняла для какой-то надобности, а потом забыла надеть. Или это сработала подсознательная брезгливость? Ну и пусть. Все равно пользы от двух размочаленных, не поддающихся стирке тряпочек – чуть. А вот комбинезон действительно, не только по названию, но и на деле оказался защитным. Хотя и в определенных пределах. К примеру, оба рукава на предплечьях и брючина в районе здорового колена от посто-

янных вылазок истончились и грозили вскорости протереться до дыр. Но пока что все было терпимо. Да, относительно терпимо.

Аля покрепче закусила конец веревки, который не переставала сжимать в зубах всю дорогу от Лежбища, чтобы не рассмеяться. На глубине двухсот с чем-то метров, рассудила она, посреди изгибающегося греческой буквой «кси» тоннеля, в кромешной темноте ее смех прозвучал бы несколько... несколько неуместно.

«Ну ты, подруга, совсем, – высказала она себе. – Еще немного – и ку-ку! Начнешь разговаривать сама с собой».

И тут же огрызнулась в ответ:

«Да? А с кем еще?»

Действительно, с кем еще? Кроме нее, тут вроде бы нет никого из посторонних, а жаль. Она бы им, пожалуй, объяснила, чем ее так рассмешило словечко «относительно». О да! Она вообще могла бы много чего порассказать на эту тему.

Относительно? Ха! Все на свете относительно. Первым до этой простой мысли дошел Эйнштейн, правда, интуитивно, поскольку был теоретиком. Ему бы сюда, в пещеру, хотя бы на недельку. На практику, мрачно думала Аля. Уж она бы объяснила ему – на пальцах, что такое настоящая теория относительности. А то вот некоторые думают, что относительное – это все, что не безусловно. А что безусловно-то? Где оно, безусловное? Ну-ка, приведите примеры!

Вот, допустим, когда стертый локоть саднит, а под сломанный ноготь на мизинце камешек острый впился и так глубоко, гад, что без пинцета не достать, это как, противно? Угу, а вот и нет! На самом деле – дико приятно. Потому что синяк на локте и заноза под ногтем так занимают сознание, что можно за целый час ни разу не вспомнить, что у тебя четыре перелома голени, причем один из них – открытый.

Или взять зубную пасту. Например, болгарскую. Марки «Крест». По рубль сорок за тюбик. Вот она – зачем нужна? Скажете, зубы чистить? Как бы не так! Для чего их чистить, если два последних дня ничего не ел? Нет, с пастой надо по-другому. Нужно сперва выдавить на дно кружки примерно четверть тюбика, растолочь двумя столовыми ложками и высыпать туда же последнюю таблетку «аскорбинки» из аптечки, залить все водой и размешать. Потом поморщиться и выпить. А что? Если бы в пасте было что-нибудь вредное для здоровья, ее бы стоматологи детям не рекомендовали. А так выпил кружечку – и на полдня ни о какой еде думать не можешь, настолько питательным вышло блюдо. А уж каким свежим после него становится дыхание...

Так что все на свете относительно, все. То, что в обычной жизни кажется чем-то бесспорным, при определенных условиях выворачивается наизнанку и становится своей противоположностью. Подвиг оборачивается подлостью, от верности остается ревность, а предательство... Да, пожалуй только предательство останется собой, как ты его ни крути. Что же до всего остального...

Взять хотя бы ту ночь в Колонном Зале. Когда она лежала посреди пещеры в окружении хрустальных колонн – ни дать ни взять спящая красавица, разве что сна не было ни в одном глазу – и жалела о том, что сказка так скоро сказывается, еще чуть-чуть, и конец. И не будет больше этой красоты, и Тошка, весь день счастливый и по-особенному нежный, снова станет серьезным и подтянуто деловым: через неделю у него заканчивается отпуск. Как же ей не хотелось отсюда уходить...

И ведь не ушла в итоге.

Той ночью ей казалось, что минувший день запомнится на всю жизнь, волшебный день, сказочный. А прошло всего ничего – и все ее детские восторги поблекли, как цветастый плакат после тридцати стирок, а вспоминается чаще всего не сталагмитовая роща и не свеча на подставке из оникса, а тот эпизод, когда она запихивала в себя сухую горбушку с жирными кружочками сервелата. Чуть не давилась, а запихивала. Не выбрасывать же...

Или, не ходя далеко, взять вот этот самый момент, который сейчас. Пять минут назад вроде бы изнемогала от голода и жажды, из сил выбивалась, а вот поди ж ты – разошлась, развела философию на ровном месте, так что и про ногу забыла, и про усталость, поползла с ветерком, как здоровая. Впрочем, здоровая бы, наверное, пошла... А может, это близость воды придает Але сил?

Она еще раз хихикнула в темноте. На этот раз – не сдерживаясь.

Зигзаг тоннеля подошел к концу, за размышлениями Аля не заметила, как миновала последний поворот, тем не менее пальцы ее продолжали машинально отмерять пройденное расстояние. Ладони стали кулаками, кулаки – снова ладонями, осталось только загнуть последний палец – и она у цели. Звон капли, при полном отсутствии прочих звуков разносящийся поразительно далеко, здесь становился громким и отчетливым. А еще он становился приятным. Поток воды с потолка не был водопадом. Отдельные капли падали слишком редко и независимо друг от друга. Только кое-где они собирались в короткие струйки, ленивые и неторопливые капли поджидали отстающих, чтобы потом всем вместе удариться о водную гладь с характерным «пл-л-л-лимк!» Так красиво! Первые дни после выхода к Семикрестку Аля могла слушать мелодию капель часами.

Но она не была готова слушать ее неделями! Каждую минуту! Даже в Лежбище, на расстоянии ста с лишним загнутых пальцев отсюда, измотанная вылазкой, истерзанная болью и безрадостными мыслями, Аля иногда подолгу не могла заснуть. Звук льющейся воды или его иллюзия, результат самовнушения, слуховая галлюцинация – жаль, Тошки нет, он бы подсказал правильное название – просачивался каким-то образом через затычки в виде грязных пальцев, сквозь барабанные перепонки, прямо в мозг. Порой он преследовал Алю даже во сне. Но иногда звону капли удавалось пробудить в ее душе хотя бы часть бывшего очарования. Обычно это случалось в моменты, предшествующие утолению жажды.

Поилка представляла собой идеально круглый водоем около пяти метров в диаметре. Просачивающаяся сквозь невидимые щели в коническом потолке вода заполняла естественную воронку с высокими белыми краями. Влажный, отполированный брызгами гипс блестел в свете фонарика, как фаянс, отчего сама Поилка приобретала сходство с огромным блюдцем. Однако воронка была достаточно глубокой – в своем отчаянном тридцатисекундном заплыве Тошка не смог достать дна – так что при ближайшем рассмотрении Поилка оказывалась не блюдцем, а скорее горловиной врытого в землю кувшина. Но все равно не верилось, что такое сооружение создано не руками человека, а самой природой, объединенными усилиями двух самых скоротечных стихий: времени и воды.

Спуск к водопою Аля давно научилась находить на ощупь, без ущерба для батареек. В одном месте вода, веками точившая камень, действовала особенно целенаправленно, край пятиметрового гипсового блюдца был здесь не то что бы отколот – сточен, и это давало возможность приблизиться к самой кромке по пологому влажному скосу. Главное – вовремя остановить скольжение, чтобы не плюхнуться в воду, как тюлень. Аля остановилась вовремя, сделала упор на запястья и левое колено, вытянула шею и раскрыла губы так, словно собиралась поцеловать свое невидимое отражение.

Первый глоток был как ожог. Аля, покуда могла, грела воду во рту, гоняла от щеки к щеке, пока не онемели зубы и не окоченел язык, потом проглотила, и вода колко прошла вниз по горлу, как будто царапая изнутри мелкими льдинками. Второй глоток напоминал по вкусу березовый сок. Третий был сладок, как газировка с сиропом. Аля пила долго, мелкими глоточками, не торопясь. Жалела, что не может, как верблюд, напиться про запас или унести с собой больше воды, чем умещается в стандартную походную фляжку. Но жалела несильно, больше по привычке, и не то что бы очень искренне. Канистру, даже если бы ее удалось отмыть от керосина, Аля все равно бы не дотащила до лагеря, равно как и котелок, проделать весь путь с полной кружкой в руке также было нереально, а никаких других подходящих емкостей

в наличии не было. К тому же, если б не эти регулярные «прогулки по воду», Аля просто не представляла себе, чем еще она могла бы заполнить свой досуг.

Утолив первую жажду, она ополоснула ледяной водой лицо и шею. Потом долго, пока холод не пробрал до костей, мусолила друг о дружку заскорузлые ладони, оттирала вьевшуюся между пальцами грязь. Потом, чтобы хоть чуть-чуть высохнуть и согреться, с минуту энергично сжимала и разжимала кулаки, словно повторяла перед строем гавриков привычное «мы писали, мы писали». Потом сполоснула и наполнила водой фляжку. Потом снова пила.

Обратная дорога всегда давалась труднее. Сказывалась накопившаяся усталость и то, что путь к Лежбищу по большей части шел в горку, пусть с едва заметным уклоном, но Але много и не требовалось. Отяжелевшая фляжка елозила по спине из стороны в сторону, свежоотмытые пальцы, как их ни береги, быстро возвращали себе защитный покров из пыли и грязи, но это было не самым обидным. Хуже, что к концу пути Аля выматывалась так, что готова была за один прием выпить всю воду, которую принесла с собой. Конечно, ничего подобного она себе не позволяла. Один колпачок максимум. Если совсем не вмоготу, то два. И еще один маленький глоточек из горлышка, только язычок смочить. Не больше.

Единственное преимущество обратного пути, своеобразное послабление с известной долей издевки заключалось в том, что по дороге к Лежбищу Але уже не нужно было загигать пальцы. Возвращалась она по собственным следам, то есть по веревке, которую теперь сматывала в моток, растягивая между ладонью и локтем правой руки. Моток, который Тошка так и не приучил ее называть бухтой. Местами веревка ухитрялась свиться петелькой или завязаться в узелок, тогда приходилось останавливаться и распутывать ее при помощи зубов и изломанных ногтей. И вообще ползти без счета получалось гораздо медленнее. По крайней мере, так казалось. Может быть, оттого, что теперь она двигалась не навстречу своей призрачной надежде, а от нее?

На смятое ложе из двух спальных мешков и каких-то заношенных до неразличимости тряпок Аля упала в изнеможении. Вылазка на Семикресток, к Поилке и назад процентов на триста покрывала ее суточную потребность в движении. Она открыла колпачок и понюхала воду во фляжке. Нет, ни намека на коньяк. А жаль. Пары капель на двадцать грамм воды ей сейчас вполне хватило бы, чтобы забыться не рваным кошмаром, как обычно, а нормальным, желательно без сновидений, сном.

Почему-то не засыпалось. Рука сама потянулась к рюкзачку, из нарядной обложки быстро превратившемуся в грязную ободранную тряпку, ослабила тесемки, нырнула внутрь. Вот Любимая Книжка, пухлый, потрепанный том. Первые несколько ночей после ухода Тошки Аля читала ее перед сном, чтобы успокоиться, при огарочке свечи, оплывшей до состояния аморфного обмылка, в котором она не замечала уже ничего романтического. Потом фитилек догорел до конца, но Аля все равно иногда доставала книгу и перелистывала страницы в темноте, припоминая самые любимые, давно заученные эпизоды.

Но сегодня ей не хочется ничего припоминать, поэтому нераскрытая книга ложится в сторону, а рука зачем-то снова ныряет в горловину мешка, так уверенно, как будто лучше своей хозяйки знает, что делает. Интересно, что? Неужели ищет что-нибудь съедобное? Ха, это же бессмысленно! Последняя банка тушенки выскоблена еще три дня назад, так что и пятнышка жира не осталось на сизовой внутренней поверхности. Да и сам рюкзачок Аля перетряхивала уже не раз и не два, даже выворачивала наизнанку – безрезультатно, ни горсточки риса не обнаружилось на пыльном дне, ни одинокого кофейного зернышка. Но, словно забыв об этом, ее рука зачем-то продолжает шарить внутри, настойчиво и деловито перетасовывая узнаваемые на ощупь предметы: зубная щетка в пластмассовом чехольчике, пустая мыльница, расческа, несколько мертвых батареек и снова зубная щетка – похоже, она шарит по кругу. А сухие напряженные губы почему-то повторяют без звука и без конца: «Боженька, пожалуйста...» Только «Боженька, пожалуйста...», больше ничего. Они не просят ничего конкретного,

просто внимания, просто знать, что он есть, что помнит о ней, а значит, есть шанс, что все это когда-нибудь кончится. Зубная щетка, бесполезная без пасты, золотистые гробики батареек, расческа...

Действия, лишённые смысла. Почти как в тот раз, когда ей почудился запах бутерброда, доносящийся из тоннеля большого пальца. Отчетливейший запах сдобной булки и вареной колбасы, это-то ее и смутило. Не подсохшей черной горбушки, прикрытой кружочками сервелата, чей запах оголодавший мозг мог извлечь из хранилища памяти – нет, из тоннеля определенно пахло небрежно отломленным куском булки, поверх которого уложен аккуратный кружок колбасы по три пятьдесят, не слишком тонкий, в самый раз. Она поползла за ним по тоннелю, забыв о веревке, о ноге, обо всем на свете, ползла не меньше четверти часа и чудом вернулась назад. Спасибо тебе, токсикоз!

Но на этот раз Але почему-то кажется, что все будет иначе. Все будет по-честному, без обмана и не закончится жесточайшим разочарованием. Расческа, мыльница – Аля даже встряхивает ее в руке, и некоторое время слушает тиши ну, несъедобные батарейки... Какой в ее действиях смысл? И... чего не хватает в списке личных вещей? Секундочку... а где нитки? Она ведь брала с собой нитки и даже один раз воспользовалась ими – в поезде, чтобы перешить пуговицу на ставших чересчур тесными брюках. Простейший наборчик: прямоугольник из твердого картона с несколькими засечками для ниток разных цветов плюс пара иголок, одна большая, другая поменьше. Разумеется, Аля не могла положить нитки и иголки вместе с прочими вещами, чтобы не уколоться. Она убрала их...

Пара батареек выпадает из разжавшейся ладони, нелегким звяканьем присоединяется к россыпи своих братьев-близнецов. То, что неосознанно ищет Аля, находится не здесь. Ее рука оставляет в покое основное отделение рюкзака и обращает внимание на откинутый клапан, вернее, на небольшой плоский кармашек с его внутренней стороны. Расстегивая две маленькие пуговицы, удерживающие карман в закрытом состоянии, рука почти не дрожит. А когда мизинец все-таки натывается на острие одной из игл, Аля даже не вздрагивает: Ей плевать на укол, плевать на дорожный швейный набор – отнюдь не нитки семи разных расцветок интересуют ее. Картонка с нитками и иголками летит в сторону, а рука на глубину ладони погружается в кармашек-плоский, но не совсем плоский! – и почти мгновенно возвращается назад, сжимая в горсти бесценное сокровище.

Три упаковочки сахара, по два прямоугольных кусочка в каждой, с бегущим поездом на этикетке. Их принес проводник вагона, в котором Аля и Антон ехали на юг, наверное, уже больше месяца тому назад. Маленький улыбчивый старичок поставил на стол четыре стаканчика кипятка в гремящих подстаканниках, затем достал из кармана форменного кителя четыре пакетика с чаем и столько же пачечек сахара. Потом по-особенному улыбнулся, взглянув на Алю, на ее запавшие глаза и сложенные на животе руки и добавил к продуктовой кучке пару вафель в красной обертке.

– Вам следует хорошо питаться, – заметил он, прежде чем покинуть купе. Милый старичок.

Когда затерянный в степи полустаночек вырос за окнами вагона на пятнадцать минут раньше расписания и Аля с Антоном, мигом стряхнувшие с себя душное оцепенение трехдневного пути, бросились распахивать по карманам неприбранную мелочевку – поезд здесь стоял всего три минуты, – Аля машинально сгребла со стола гостинцы, оставшиеся от последнего чаепития, и сунула в отделение для ниток. В тот момент она и представить себе не могла, насколько ей повезло в том, что Тошка всегда пил чай без сахара, а сама Аля, исключительно чтобы покапризничать, отказалась от вафли.

Вполне возможно, сегодня этот каприз спасет ей жизнь. Или только отсрочит неминуемое на два-три дня. Разве это имеет значение? Из всех существующих возможностей в данный момент Алю волновала только одна. А именно: запихнуть в рот все и сразу, вместе с обер-

точной бумагой и фольгой, а потом сидеть, перемалывая зубами восхитительное месиво и не замечая, как сладкая слюна скапливается в уголках глупейшей улыбки. Как же ей хотелось наброситься на нечаянное лакомство!

Но Аля устояла, справилась с первым порывом, решительно прогнав из головы образы волка, перегрызающего горло овце, и лисицы, спешащей куда-то с куриной тушкой в зубах, и заменив их безобидной картинкой с ленивым котом, который лежит, разглаживая лапкой усы, и только краем глаза поглядывает, как мечется из угла в угол обреченная мышка. Его *гарантированная добыча*.

Только один кусочек сахара! – разрешила себе Аля. И не больше пятой части вафли! Ты поняла? Максимум четверть!

Она положила на язык кусочек сахара – и буквально изошла слюной. Старалась только лизать, но сахар в поездах дальнего следования, кажется, специально делают таким, мягко говоря, не быстросрастворимым, чтобы хватило на подольше, так что Аля в конце концов поддалась соблазну, и вот захрустел, закрипел на крепких зубах сахарный песочек. Затем она размочила водой окаменевшую вафлю, долго, до челюстных судорог, перемалывала во рту сладковатую кашицу, потом проглотила, захлебываясь слюной и благодарностью. «Спасибо тебе, Боженька. Теперь я точно знаю, что ты есть. – Не удержалась, правда, и от мягкого упрека. – Но почему же... Почему ты напоминаешь нам о себе так редко? И все равно... спасибо».

Все. А теперь – никаких движений хотя бы полчаса. Пусть жирок завяжется, подумала Аля и удовлетворенно хохотнула, так что эхо ее хрипловатого смеха отразилось от свода и вернулось к ней как напоминание о лучших временах.

Засыпала она сладко, безмятежно, лелея в душе надежду, что хотя бы в эту ночь ее покой не нарушат чудовища.

Глава вторая. Толик Голицын

«Хранитель знаний.

У меня на книжной полке
Поселился паучок.
Слева Фаулз, справа Фолкнер,
Между ними Усачев,
Маркес, Борхесе Кортасаром,
Стейнбек, Селинджер-старик,
Три романа Жоржа Санда
И еще один мужик.
Сто томов Агаты Кристи,
Сто Марининой томов,
(Если спросят пионеры,
Я скажу: всегда готов!
Обменяйте их в утиле
На „Графиню Монсоро"...)
Полкой выше – Гете, Шиллер,
Оба Манна и Дидро.
Что до пенсии заквасил,
Что по десять раз прочел —
Все дополнил и украсил
Этот юркий паучок.
Так опутал паутиной,
Что ни книжки не достать...
Вот еще одна причина
Мне поэмку дописать.»

(П. С. Усачев,
журнал «Вторая молодость», №5, 2003.
Тираж 15000 экз.)

«Шестьдесят девять, – за неимением секундомера азартно считал Анатолий. – Семьдесят. Семьдесят один. Семьдесят два. И... вот!»

Златовласка наконец выдохнула, сложив уста буквой «о», так что исторгнутое ее легкими дымное облачко получилось тонким и протяжным, как завывание профессиональной плакальщицы. Ресницы нереальной длины трепетнули, прищурившись на столбик пепла, пизанской башенкой скопившийся на устремленном вверх конце сигареты, а легкое постукивание золотистого, в тон волосам, ногтя обрушило его прямым в пепельницу. И снова равнодушный взгляд в окно, на сумеречное небо цвета куриной слепоты. Прикидывает размер сверхурочных? Наверняка.

Блестящие оливки глаз чернявой, фаршированные озорным любопытством, напротив, были обращены на собравшихся. Она то переводила взгляд-локатор с одного лица на другое, ни на ком подолгу не останавливаясь, то заинтересованно стреляла одиночными в авторов коротких реплик с мест. Сейчас выскочки помалкивали, говорил один хозяин кабинета, и чернявая смотрела исключительно на него, преданно, снизу-вверх.

Хозяин... Почему-то никакое другое слово не кажется подходящим, чтобы описать отношения этого маленького заросшего мужчины к сидящим по обе стороны от него дамам. Ни начальник, ни шеф, ни работодатель... Есть что-то хозяйское в том, как он мимоходом оглаживает спинку кресла Златовласки или касается плеча чернявой и нетерпеливо перебирает воздух пальцами в ожидании поданной бумажки, электронного органайзера или похожей на карточную колоду стопки визиток. Настоящий хозяин...

«Куда ему такие? – сокрушался про себя Анатолий. – За что? Такому сморчку – и такие бестии! Он же стоя ниже, чем они сидят. И как вырядился, пижон! Борода как приклеенная, очки, кожанка... Нет, господин Шукин, ты не Василий, ты Базилио. Стопроцентный котяра! Но зачем ему сразу две кошечки?»

Тут чернявая, точно почувствовав интерес к своей перроне, перестала пожирать хозяина глазами и немного исподлобья взглянула прямо в лицо Толику. Тот моргнул от неожиданности, изобразил головой движение, которое при желании могло быть расценено как снисходительный кивок, и подумал с мстительным удовлетворением: «Настоящие бестии!», прежде чем отвел глаза.

Дружный хохот окружающих прогнал задумчивость. Толик машинально подхихикнул, не особо интересуясь чему.

Последним отсмеялся толстячок с недельной поросычьею щетиной вокруг лысины, сидящий через два человека от Толика.

– А колорадские жуки вас не интересуют? – давась смешками, спросил он. – А то я как-то в четвертом классе сочинил поэмку. «Гуманитарная помощь» называлась. Типа «колорадский жук, мой заморский друг, не жидись, для крошки принеси картошки» и еще чего-то там, на три страницы в линейку. – Он снова отрывисто хохотнул. Голова, похожая на бильярдный шар, посыпанный по краям мелким перчиком, дернулась в последний раз и застыла на мясистой шее. – Извините, шучу.

– Ничего. Мы ценим юмор, – успокоил Шукин и сухо похвалил весельчака: – Даже неплохо... для четвертого класса. К сожалению, у нас несколько иной профиль.

– Что за клоун? – спросил Толик, наклонившись к Борису. Их локти на соседних подлокотниках доверительно касались друг друга, а свой интерес он по давней школьной привычке маскировал ладошкой, прикрывая ею нижнюю половину лица.

– Турбореалист, – шепнул Борис. – Писатель с большой буквы П. То ли Петрушкин, то ли Покрышкин, точнее не скажу.

– Но не Пушкин?

– Исключено. Даже не похож.

– Я дико извиняюсь, – подала голос невысокая перигидрольная блондинка, сидевшая в метре от Шукина, у левой излучины составленной из столов Т-образной конструкции, – но предложенная вами тема мне крайне неприятна. Я даже помыслить об этом не могу без содрогания, не то что обсуждать вслух.

– Искренне жаль, – посочувствовал Шукин. – Вот видите, даже вы, люди с высоким ай-кью и богатым жизненным опытом, подходите к вопросу с однобокой, однозначно негативной оценкой. Что тогда говорить о простых обывателях? – Он вздохнул, потупив свои нелепые солнцезащитные очки. – А между тем в основе вашей предубежденности, по сути, нет ничего, кроме недостаточной информированности и предрассудков, сформировавшихся тысячелетия назад в головах наших недалеких... пардон, далеких предков. Я, ни в коем случае, не призываю вас верить мне на слово и не надеюсь, что вы в одночасье из противников превратитесь в сторонников. Но хотя бы подумать на эту тему мы можем? – Шукин вопросительно улыбнулся нервной блондинке, и улыбка повторила контур усов и короткой бороды.

Блондинка пожала выдающимися ключицами и перестала делать вид, будто готова в любой момент вскочить и вылететь за дверь, а если не пустят-то в окно.

– В таком случае, факты, господа. Голые научные факты, – хозяин кабинета перебрал в воздухе струны невидимой скрипки, и на его ладонь послушно легла тонкая пачка печатных листов в прозрачном файле. – Итак, заблуждение первое...

– А кто эта крашенная красавица? – шепотом поинтересовался Толик.

– Клара Кукушкина, маргинальная поэтесса, – ответил Борис, не задумываясь, как будто ожидал вопроса. – Подписывается тремя «К». Обесцвеченная и невесомая, как и ее стихи. Давай уж я тебя и с остальными познакомлю, – вызвался он, сообразив, что прислушиваться к веским доводам очкарика можно и одним ухом. – Валерку с Ником ты знаешь. Турбореалиста П...шкина теперь тоже.

– Может, он Пышкин? Или Плюшкин? – предположил Толик.

– Не отвлекайся. Рядом с ним еще один важный пузан – в очках. Это Степан.

– Который?

– В нашем цехе один Степан.

– О!

– Не «О!», а, как минимум, «ООО». С ограниченной ответственностью... Поговаривают, раскадровку батальных сцен для него восемь бывших полковников КГБ пишут. Только это все треп, Степа и сам неплохо справляется. Да и откуда у КГБ боевые звездолеты? Дальше... Этого я сам не знаю. А вон старичок, видишь, левым профилем повернутый? Это Самойлов.

– Хрестоматийный детский писатель?

– Угу. «Мама мыла... с мылом», – процитировал Борис, добавив от себя конкретики. – С первого класса на зубах навяз. Хуже ириски. Справа от него...

– Знаю, знаю. Телевизор пока смотрим. Они что же, и музыку собираются заказывать?

– Пусть заказывают, лишь бы платили. Но, сдается мне, их интересует не только музыка. Видишь тех парней слева от Кукушкиной? На подоконнике?

– Теперь вижу. Ну и прикид! Особенно у паглатого.

– Вот-вот. То ли нищие художники, то ли дизайнеры по костюмам. Работают в духе этого... Пьера на букву «К».

– Кардена?

– Сам ты... Пьера Кюри! Все опасные для здоровья эксперименты ставят в первую очередь на себе. Следующие двое, если не ошибаюсь, пиарщики не из дешевых. Тот, что с ногами в кресло залез, – Прокопчик. И это не псевдоним.

– Тоже из наших? Про что пишет?

– А ты в фамилию вслушайся. Вот приблизительно про это и пишет. Нечистоплотный журналюга, извини за тавтологию. Творит по принципу «утром в Инете, вечером в газете». Прет из сети все, что плохо запаролировано, даже править иной раз ленится. Как-то раз по запарке сдал статью, не читая, а автор оригинала возьми да окажись женщиной. «Я долго думала, прежде чем решилась...», и все в таком духе. А когда пытается писать сам, выходит еще хуже. В своем стремлении удивить читателя доходит иной раз до ручки.

– Шариковой?

– Роликовой! Погоди, вот я тебе сейчас процитирую. Есть у меня один его перл в коллекции. – Борис пошевелил бровями и прицелился указательным пальцем в потолок. – О! «Отдельные градины своими размерами превосходили лошадиное яйцо»! Нормально?

– Д-да, занятно... А рядом кто? С бородкой.

– О-о, это, брат поручик, малоприятная личность. Погоди, он сам встает. Послушаем, что скажет...

– По-моему, вы наговорили уже достаточно, чтобы мы все убедились если не в справедливости ваших слов, то по крайней мере в серьезности намерений, – сказала малоприятная личность, теребя в руках зеленую вязаную беретку. – Вам бы, молодой человек, крем от загара чукчам продавать или снимать инсулиновую зависимость по фотографии. Лично мне после

вашей увлекательной речи хочется подняться завтра раненько, взять банку с дырявой крышечкой да и махнуть на четырнадцатый километр, где новая «Птичка» обосновалась. Или в ближайший зоомагазин отправиться и прикупить десяточек зверюшек, незаслуженно обделенных любовью человечества.

– Достойный порыв, – прокомментировал Шукин.

– Я одного не понимаю. Я-то за каким лешим вам понадобился? Чем литературный критик может помочь вашему благому начинанию?

– Как литературный критик хотя бы не мешайте, – улыбнулся Шукин. – Но как литературовед с тридцатилетним стажем...

В этом месте Анатолий снова отвлекся. Златовласка, чьи лицо, прическа и фигура, несомненно, обладали магнетической способностью притягивать мужские взгляды, величественно покинула кресло и в три шага – цок, цок, цок – приблизилась к окну. Там она встала, асимметрично приложив вывернутые ладони к стеклу и отведя локти назад, так что под тонкой тканью ярко-красного делового костюма отчетливо проступили лопатки. Словом, приняла живописную и несколько изломанную позу, свидетельствующую о скуке и желании оказаться не здесь.

– Видал? – Борис легонько толкнул Толика локтем и игриво пошевелил бровями.

В ответ Анатолий только поджал уголки губ и покачал головой, давая понять, что «Да-а. Тут уж ничего не попишешь...»

– Э-эх, поручик... – вздохнул Борис, что в данном случае означало: «Мне бы твои годы».

Они были знакомы уже третий год, пуд соли на двоих, может, и не осилили, но уж белого крепкого наверняка приняли не меньше гектолитра и теперь в общении друг с другом легко обходились малым набором слов, приберегая все красоты и курносости для своих юных почитательниц, которые... наверняка же где-то есть. Должны быть. Просто на глаза почему-то не показываются. Может, оттого, что живут не в столице, а в далекой глубинке? В глухой степи, где-нибудь за МКАД? Да, в глубинке – наверняка.

Их знакомство завязалось в книжном магазине, в очереди за автографами, где Борис их размашисто раздавал, а Толик, собственно, и образовывал очередь.

– Как подписать? – строго спросил маститый автор, глядя поверх раскрытой титульной страницы на нерешительно мнущегося паренька.

– Напишите просто... Толику, – попросил паренек, вдруг застеснявшись своей простой и, пожалуй что, малоросской фамилии. Рядом со звучным, воспетым в белогвардейском романсе именем «Борис Оболенский», заявленным на обложке книги, словосочетание Анатолий Галушкин смотрелось куце.

«Ничего, вот закончу роман, – успокоил себя Толик, – и возьму псевдоним. Что-нибудь такое же яркое. Скажем... Голицын!»

– Сам пишешь что-нибудь? – определил наметанный глаз Оболенского.

– Так... – окончательно стушевался Толик. – Немножко.

«Просто Толику. От собрата по цеху», – быстро накарябал Борис поперек страницы и этим купил Анатолия с потрохами.

В дальнейшем, когда признанный писатель принял над молодым автором негласное мягкое шефство, сами собой возникли и прижились обращения «Поручик» и «Корнет». И хотя, помимо панибратства, крылось в них явное нарушение субординации – ведь согласно дореволюционной табели о рангах выходило, что Борис по званию младше Анатолия, – такое положение вещей устраивало обоих.

Свой общегражданский паспорт с настоящими именем и фамилией Борис Оболенский показал Толику гораздо позже, по сильной пьяни, предварительно потребовав, чтобы поручик трижды побожился, что не будет смеяться. А уже минуту спустя Анатолий, загибаясь от хохота, катался по ковру и благодарил небеса за то, что воспитан агностиком.

Реальное имя не совпало с вымышленным ни в единой букве, а полная шипящих фамилия лже-Бориса недвусмысленно указывала на его принадлежность к древней богоизбранной нации. Ничего себе белогвардеец!..

– А-а скажите, господин Щ-щ-щ-щ-щ... – неожиданно заговорил долговязый и угловатый, как складной метр, субъект, сидящий по левую руку от Анатолия, с торцевой стороны крайнего стола. До этого субъект никакого интереса к дискуссии не проявлял, вертел в длинных пальцах связку ключей и, кажется, ковырял украдкой маленьким ключиком гладкую полировку. Короче, вел себя как воспитанный человек – и вот, надо же, поднялся над столом, побычи склонил голову, забрызгал слюной...

– Ради Бога, не затрудняйтесь, – попросил Щукин, обрывая беспомощное шипение. – Для друзей я Василий.

Долговязый благодарно кивнул.

– К-кого вы представляете? – напрямик спросил он. – И сколько са-абираетесь п-платить?

– Отвечу, если вы представитесь, – сверкнул стеклышками очков Щукин.

– Коровин, – брезгливо скривился долговязый и оплывшим сталагмитом стек обратно в кресло.

– Думаешь, тот самый? – быстро шепнул Толик, от возбуждения чуть не клюнув носом ухо Бориса.

– Ага, затворничек. Вот он какой, оказывается.

– А говорит вполне по-человечески.

– Если бы он говорил, как пишет, его прибили бы в первой же очереди за водкой. Кстати, непонятно, что он здесь делает. По слухам, его место сейчас в Голландии, в частной клинике.

– С вашего позволения, отвечу сначала на второй вопрос, – сказал Щукин.

И ответил.

– Это за какой объем? – поинтересовался заметно оживившийся Прокопчик. – За лист, за полосу или за тысячу слов?

– За тысячу знаков, – последовал ответ, и хоть глаз за черными стеклами очков было не различить, Толику показалось, что, отвечая, Щукин хитро прищурился – не хуже, чем вождь с портрета. – А теперь, если кому-то еще интересно, попробую объяснить, кого же я представляю.

Но подавляющему большинству интересно уже не было. Кабинет утонул в общем одобрительно-недоверчивом гуле, и мало кто расслышал, что представляет Щукин в основном самого себя, выступает, так сказать, в роли мецената-одиночки, что заявленная тема интересует его по сугубо личным мотивам, что-то там еще и все-таки нельзя ли чуточку потише? Вот так, спасибо.

– В конце концов, – расчувствовавшись, заключил Щукин, обращаясь главным образом к притихшей поэтессе Кукушкиной, – кто сказал, что творчество должно доставлять удовольствие? Оно должно приносить деньги. По возможности, большие.

– Кто сказал, что водка должна быть вкусной? – поинтересовался лысовато бритый риторик П...шкин и захихикал, не дожидаясь остальных. Впрочем, никто его не поддержал, только двое пиарщиков по ту сторону стола о чем-то кратко перешепнулись.

– Самоцитирование, – хмыкнул Борис.

– Водка? Вкусной? – восторженно спросил Щукин. – Не должна. Поэтому мы вам ее и не предлагаем. Кстати, раз уж официальная часть, можно считать, на этом закончена, я еще раз благодарю всех присутствующих за внимание. Премного благодарен. А теперь позвольте пригласить вас в банкетный зал. Как говорится, чем богаты...

Покидая кресло, Толик украдкой скосил глаза на ту часть стола, где новоиспеченный нобелевский лауреат в области литературы попробовал себя в непривычном ремесле резчика по дереву. Увы, но глубокие неровные царапины, оставленные бородкой ключа, не несли в себе

никакого сокровенного знания. Только горькое осознание бессмысленности всего сущего да слабенький вызов обществу – тихий, почти беззвучный, не слышный никому, кроме самого вызывающего.

Когда распахнулась дверь банкетного зала, выяснилось, что приглашающая сторона богата абсолютно всем. Шедший в первых рядах Прокопчик-уж на что, казалось бы, ушлая личность, не одну морскую собаку съевшая на халявных фуршетах и презентациях под коньячок, – тут вдруг опешил, застыл в проходе, застопорив общее движение, и коротко выматерился. Сопоставив его высказывание с прощальной записью Коровина – а они дополняли друг друга, как Инь и Янь, – Толик пришел к выводу, что вся российская литература, от низкопробной джинсы до болезненных отправок гениальной рефлексии, проистекает из общего источника.

Из того самого, о котором так нудно твердил Экклезиаст.

– Красота-то какая, поручик! – восхищенно произнес Борис и вдохнул так глубоко и шумно, словно собирался через ноздри втянуть в себя всю московскую весну.

За прошедшие два часа небо над городом потемнело окончательно. Фонари, работающие по вахтовому методу: через два на третий, горели тускло. Они не столько освещали поздним прохожим путь к метро, сколько заслоняли от них звездное небо. Вдобавок, заметно похолодало. Мокрый асфальт стал скользким, а куртки, еще недавно распахнутые настежь, чтоб облегчить доступ к телу теплому мартовскому ветерку, так и остались распахнутыми, но уже по другой причине. Слишком уж жарко было внутри от выпитого и съеденного. Жарко, сыто и расслабленно.

Красота? Наверное... Толик пожал плечами.

– А коньяк у этого Тушина хороший, – развил тему Борис. – И коньяк, и секретарши. Э-эх...

С этим утверждением Толик не мог не согласиться. Но не удержался, внес маленькую поправочку:

– Только он не Тушин, а Щукин.

– Да какая разница!

– Слушай, как думаешь... – Толик помедлил из опасения показаться наивным и все-таки спросил: – Все, что он там наболтал – не гониво?

– «Гониво», – усмехнулся Борис и пояснил, увидев по лицу Анатолия, что тот не ощутил разницы. – Так в «Детгизе» однажды опечатались. В бывшей «Детской Литературе». Прямо на обложке: «Ганс Христиан Андерсен. Гониво». Мне мама читает вслух: огниво, огниво,.. А я смотрю – я уже читал немного в четыре года – и вижу: сплошное «гониво».

– Это ты с тех пор опечатки коллекционируешь? – спросил Толик, интуитивно чувствуя, что своим вопросом делает товарищу приятное.

– С тех самых...

Борис уже не однажды зачитывал ему отдельные перлы из своей коллекции. Парочку Толик помнил наизусть, про меч в «коротких ножках» и про то, как «на столе поверх стопки документов лежало массивное папье-маше».

– И все-таки... – снова начал Толик, которому не терпелось внести ясность.

– Ты насчет Щукина? С ним пока непонятно. Я, чтоб ты знал, с четырех лет в сказки не верю. Особенно в те, где все происходит по-щучьему велению. И личность он довольно-таки странная. И лицо, и одежда... в душу, правда, не заглядывал. Но внешность уже доверия не вызывает.

Толик вызвал в памяти образ человека, представившегося как «Василий Щукин, можно просто Василий, без отчества» и согласился с товарищем.

– И все-таки попробовать, я думаю, стоит. Кто не рискует, поручик, тот что?

– Закусывает, корнет?

– Вот именно! Да и чем ты рискуешь? Несколькоми впустую потраченными часами? Это смешно. Если уж вызвался поработать на заказ, будь готов к тому, что клиент смеется, не заплатив. Или начнет изводить придирами так, что сам откажешься от гонорара, лишь бы отвязался.

– Да я же ничего такого... – растерянно пролепетал Толик. – Я только...

– Ты только, Толька, только, Толька... – неожиданно запел Борис, которого лишь сейчас, после десятиминутного проветривания, стало потихоньку разбирать от давешнего коньяка. Он закончил вокальную партию залихватским «Э-э-э-эх!» и счастливо рассмеялся.

– А что до темы, поручик, то ничего в ней такого особенного нет. Мы же с тобой не маргинальные поэтессы? Не будем сперва нос воротить и говорить, дескать, нам и помыслить тошно, а потом скакать голышом по столу? А? Как думаешь?

– Не будем, – согласился Толик.

– То-то и оно! Ты подойди к заданию творчески. Кстати, не такое уж оно сложное. Вот если бы тебя пригласили выступить на собрании анонимных алкоголиков с докладом о пользе пьянства... Нет, это тоже легко. Про смысл жизни там, про гниение и горение... Лучше вот что! Напиши апологию обыденности! Неустанно воспевай серые будни, представь стремление к норме как высшую добродетель, увековечь рутину! Опиши немыслимое наслаждение от звонка будильника, и волнующее стояние в вагоне метро, и внутреннее томление во время утренней летучки, и душевные муки над послеобеденным кроссвордом, и как бешено стучит сердце в ушах, а язык собирает бисеринки пота с губы, прежде чем спросить: «Скажите, вы на маршрутку крайний?» Вот где сложность! А тут... Короче, не падай ты духом, па-а-аручик Голицын!.. – посоветовал Борис, снова сбиваясь на вокал.

– Ка-а-арнет Оболенский... – весьма органично подпел Толик, почувствовав, что именно его голоса не хватает для полной гармонии вечера. Он с растущим интересом посмотрел на распахнутое окошко круглосуточного ларька и продолжил: – На-алейте...

Но тут корнет все испортил. Он остановился сам и резко дернул Анатолия за свободно болтающийся за спиной конец шарфа, превратив песню в сдавленный кашель.

– Ты чего? – обиделся Толик.

– Тише ты! – шикнул Борис. – Слышишь, там?

– Где? – Толик прислушался. Через дорогу от киоска, в черном провале неосвещенной подворотни происходила какая-то возня. Слышалось шарканье подошв по асфальту, мелодичный звон бьющейся тары и звуки ударов, перемежаемые приглушенными вскриками. – Дерутся, что ли?

– Да уж не в футбол играют, – резонно заметил Борис и, подмигнув решительно, предложил: – Ну что, поручик, ввяжемся?

Толик задумался. С одной стороны, драка казалась вполне логичным продолжением неплохо начавшегося вечера. Но в то же время, после обильного угощения с возлиянием махать руками и ногами было лень, а мысль о пропущенном ударе в живот казалась святотатством. В общем, ситуация сложилась непростая и нуждалась в дополнительном осмыслении.

– А на чьей стороне? – спросил он, чтобы потянуть время.

– Поможем тем, кто в меньшинстве, – быстро сориентировался Борис и расстегнул последнюю пуговицу на куртке, чтоб ненароком не выдрали с мясом.

– Так там же, вроде, – Толик прищурился, – двое на двое.

– Тогда без разницы, кому помогать, – рассудил Борис и, ошелолив дерущихся зычным окриком: – «Эй, которые тут против белых?» – тенью метнулся через проезжую часть.

Глава третья. Антон

Когда ты висишь вверх тормашками в абсолютной темноте где-то на полпути между землей и, строго говоря, тоже землей. Когда под ногами у тебя скальный выступ, над головой, предположительно, тоже скальный выступ, а где-то за спиной, не дальше длины руки, сама скала, но нет возможности вытянуть руку, чтобы проверить. Когда за плечами у тебя рюкзак, в котором аккуратно сложены скальный молоток, и набор крюков с карабинами, и навесочный трос, и обвязка, и еще много чего для безопасного спуска, но в теперешней ситуации это всего лишь балласт, дополнительный груз, способствующий твоему наискорейшему падению. Наконец, когда в зубах у тебя зажата ручка фонарика, так что ни на помощь позвать – да и кого позовешь, когда звать некого? – ни хотя бы выматериться, как того требует душа. Да, в такие моменты невольно думаешь о многом.

В основном, конечно, под черепом бурлит и мечется всяческая невнятица: брызги невысказанных междометий, черные волны безнадежности с общим смыслом: «Мир несправедлив ко мне», водовороты иррационального детского облегчения: «Хорошо, что темно. Не видно, куда упадешь...» Кое-где попадаются островки осмысленности, причем такие связные, что просто смех и грех. Самый яркий: «За что меня-то? Я ведь даже не древний спартанец... отбраксованный... чтоб с обрыва – вниз головой». Просто удивительно, как много всякого-разного намешано в голове человека, который одной ногой, можно сказать, уже вознесся на небеса, а другой – запутался в собственном снаряжении, будто муха в паутине. Но бесспорным лидером по числу повторений безусловно является полумысль-полустон: «Как же это меня угораздило?»

Всю жизнь он был атеистом. Не воинствующим, но убежденным, так уж воспитали родители. На купола церквей в солнечный денек засматривался исключительно с точки зрения красоты архитектуры, ничьих имен всуе не поминал, а в случаях, когда супруга в ответ на какое-нибудь предложение серьезно отвечала: «Мне нужно посоветоваться с Боженькой», лишь снисходительно улыбался. Поэтому сейчас ему некому было молиться. Возможно, он и хотел бы попробовать в глубине души, но не мог. Не умел. Ему не удалось даже вызвать в памяти иконописный лик кого-нибудь из святых: Богородицы или этого... Николая какого-то, то ли Угодника, то ли Чудотворца. Вместо них перед глазами вставал почему-то поясной портрет французского киноактера Жан-Поля Бельмондо. Почему он-то? Воистину, и смех и грех. Но, мамочка моя, как же ему страшно!

Ему было страшно в тот раз, когда они с Алькой впервые пришли сюда и заглянули за край. Он помнит, как гулко стучало в висках сердце, с каким отчаянием он вцепился в мягкую руку жены – до судорог, до синяков, и ее удивленный шепот: «Тош, ты такой бледный! Мне кажется, я могу видеть тебя без фонарика». «Я... не очень хорошо себя чувствую», – с трудом вымолвил он тогда, и это было крошечным шагом в сторону правды. Ее, так сказать, первым приближением. «Перевернутое небо Вороньей Сопки снова обрушилось на меня», – такой ответ был бы гораздо честнее и ближе к истине, но дать его и при этом остаться собой Антон никак не мог. К тому же, на самом деле никакое небо на него не рушилось. Ни перевернутое, ни нормальное, ни свернутое в трубочку – никакое! Разве только то, которое навечно поселилось у него в голове.

Ему было еще страшнее, когда он вернулся сюда уже один, поняв, что все остальные пути отступления отрезаны, а здесь у него по крайней мере есть шанс. Последний шанс, который он лично предпочел бы никогда не использовать. Но поступить иначе означало собственноручно подписать смертный приговор, и не один.

Ему стало совсем страшно, когда он сделал первый шаг вниз, повернулся спиной к пропасти и нащупал гладкой подошвой сапога верхнюю ступеньку. Как он боялся, что валун, здо-

ровенная махина весом в добрую тонну, на вершине которой он закрепил трос, только кажется такой надежной и непоколебимой, а на самом деле готова от первого толчка сдернуться с насиженного места и... Или не выдержит сам трос. Или одна из самодельных ступенек.

Но подлинных глубин ужаса он достиг только пару минут назад. Когда вместо очередного шага сделал обратное сальто с рюкзаком, прогнувшись, а потом закрутился, замотался, но каким-то чудом не сверзился буйной головой на острые камни, зацепился носком сапога за ступеньку, а левой рукой в перчатке – за путеводную нить, несерьезно тонкую и скользкую, и в таком положении затих, пытаюсь собраться с мыслями. Казалось бы, какие тут мысли? Однако, вот они, скачут туда-сюда, как кузнечики на сковородке, более того, становятся все осмысленнее по мере того, как замедляется, затихает прямо посреди черепной коробки бешеный бой сердечной мышцы, которой, согласно фольклору, следовало бы уйти в пятки, но уж никак не в голову.

Например, не прошло и тридцати секунд – маятник тела замедлил раскачивание, и Антон рискнул переплести свободную ногу с той, что угодила в спасительную ловушку, так чтобы между ними оказалась свернувшаяся косицей лестница – он уже знал ответ на основной вопрос. Тот самый: «Как же это меня угораздило?» Ответ был очевиден и неприятен, и на языке Алькиных подшефных в возрасте от семи до десяти формулировался просто: «Сам дурак». «Дура-ак! – обругал себя Антон и от невозможности повторить ругательство вслух сильнее прикусил ручку фонарика. – Дважды дурак! Дурак-рецидивист! Имбецил на триста децибел! Чемпион мира по прыжкам с разбегу на грабли!»

Когда ты вываливаешься из кабины вертолета, дергаешь за кольцо, а спасительный купол не раскрывается, у тебя хотя бы есть возможность за те четыре секунды, которые тебе осталось лететь, снять ответственность с себя и переложить на кого-нибудь другого. На того, кто изготовил бракованный парашют, или того, кто его неправильно уложил, или на старшего группы, который не обратил внимания, что вместо ранца у тебя за плечами баул с картошкой... или на плечах вместо головы. Ну а кого винить, когда все сам: и укладывал, и мастерил, и знал же, знал все особенности конструкции, не предусмотренные эскизом! Получается, только себя. Сам проявил недальновидность, сэкономил на расходном материале, сам же чуть не поплатился. Даже чуть-чуть не поплатился. И ладно бы в первый раз!

Он намотал на кулак веревку, которой в перспективе предстояло протянуться от места стоянки, где осталась раненая жена, до выхода на поверхность, который он непременно обнаружит, если только не... Продолжать не хотелось. Веревочка тонкая, в отличие от лестницы, не закрепленная, случись что – не продержит и пары секунд, но с ней, трижды обернутой вокруг ладони, Антону стало чуточку спокойнее. Свободной рукой он поправил под подбородком ремешок, на котором держалась, оттягивая голову вниз, громоздкая каска. Тяжелая и бесполезная: аккумулятор налобника окончательно сдох часов шестьдесят назад, а пластмассовый корпус вкупе с поролоновой подкладкой при падении с пятнадцати метров защитят голову не лучше, чем таблетка цитрамона. Однако Антон не спешил расставаться с каской. Пусть поболтается пока. Вдруг пригодится.

Какими бы осторожными и незначительными ни были его действия, на некоторое время они нарушили хрупкое равновесие неустойчивой системы, состоящей из веревочной лестницы и ее создателя. Да уж, настоящего лестничных дел мастера, с мрачной иронией подумал Антон, шаркнул лопатками по скальному склону и решил на некоторое время воздержаться от резких движений. Ладно бы в первый раз! – вернулся он к прерванной мысли. Но ведь подобное с ним уже случалось.

Правда, тогда – без риска для жизни. Можно сказать, на бытовом уровне.

Полгода назад, одна из кухонных табуреток повредила ножку. Словосочетание «повредила ножку» заставило Антона поморщиться, но сила тяжести плюс тугой ремешок каски быстро разгладили черты лица. Тем более что повреждение не было катастрофическим. Всего

одна ножка, что-то вроде вывиха, причем внизу, у самого пола. Выбрасывать жаль, выправлять и обматывать дефектное место изолентой бессмысленно. Как быть? И тогда Антон пошел на радикальный шаг. При помощи ножовки по металлу он отпилил увечную ножку чуть выше изъяна. Затем подпилил оставшиеся три, чтобы выровнять их по длине. На укороченные ножки снова надел пластмассовые пробки-заглушки. Замысел удался, казалось, что после ремонта табуретка стала в точности такой же, как раньше, особенно если смотреть сверху. Это на вид. Но оставалась еще память тела.

Именно она заставляла всякого, кто пытался сесть на отреставрированный табурет, вскрикивать и нервно хвататься за первое, что подвернется под руку. Это отвратительное чувство: ты опускаешься на стул заученным с детства движением, на привычный стул, на который прежде садился бесчисленное число раз, а стул, выражаясь примитивным языком ощущений, все не наступает и не наступает. В той точке траектории твоего тела, где оно обычно встречалось с гладкой поверхностью сиденья, ты к ужасу своему обнаруживаешь один лишь воздух и, естественно, вскрикиваешь и рефлекторно совершаешь хватательные движения, и падаешь вниз... на высоту подпиленных ножек. Дешевенький аттракцион, но по остроте ощущений он не уступает крутым рельсовым горкам луна-парка, изобретение которых русские и американцы великодушно приписывают друг другу.

Вот и с лестницей получилась примерно та же история. Только хуже, принимая во внимание, что падение с нее могло не ограничиться пятью сантиметрами, как в случае с табуреткой. И даже двадцатью, на которые на самом деле отличаются интервалы между ступеньками на разных ее участках. Здесь счет мог пойти на метры. И еще может пойти, если Антон не продемонстрирует в ближайшее время чудеса ловкости и смекалки.

Тросовую лестницу, как и большую часть прочего снаряжения, он мастерил сам, дома, украдкой. Трудился урывками половину апреля и весь май, выбирая для работы те моменты, когда Аля была в школе. Готовил сюрприз для супруги. И в результате приготовил, только скорее для себя. Когда на середине изготовления двадцатипятиметровой лестницы Антон обнаружил, что троса для навески поперечных перекладин-ступенек осталось неожиданно мало, он не отправился в магазин за новым мотком – время поджимало, да и денег было в обрез, – а вспомнил о модном лозунге, украшавшем все подступы к городу и, в частности, крышу соседней девятиэтажки со стороны фасада, выходящего на бульвар. «Экономика должна быть экономной!»

Антон решил поддержать отечественную экономику. Он стал крепить ступеньки реже, не через сорок сантиметров, как рекомендовалось в справочнике, а через шестьдесят. В итоге получилась лестница с переменным шагом, а ее изготовитель пошел на поводу у памяти тела и оказался в таком вот неловком положении. Иначе говоря, попал впросак. Кстати, просаками когда-то на Руси называли именно плетеные канаты, их развешивали во дворе для просушки, и тот, кого угораздило в них запутаться...

Хватит! Антон решительно пресек всплеск эрудиции, вызванный толи перенесенным шоком, то ли притоком крови к голове. Не время изображать южноамериканского ленивца и искать, кого бы обвинить в собственных бедах. Еще полчаса такого висения, и наступит кровоизлияние в мозг. Так что пора выбираться.

Только вот как?

Подняться, опираясь на путеводную нить, не получится – хлипкая веревка в случае чего способна поддержать разве что психологически. Остается два варианта. Первый: ухватиться руками за перекрученную лестницу, которая свисает где-то за головой, и долго дрыгать ногами в надежде выпутаться из ловушки, затем завершить так неудачно начатое сальто и оказаться в положении «верхом на канате». И второй: понадеявшись на крепость пут, сложиться пополам, одной рукой перехватиться за лестницу как можно выше, другой попытаться распутать ноги.

Второй вариант казался Антону предпочтительнее. В нем не было резких движений и меньшая нагрузка приходилась на кисти рук.

В принципе, похожее упражнение он не раз выполнял на турнике. Повиснуть вниз головой на перекладине, держась за нее мысками кедров или просто участками босых стоп, которые иллюстрированный анатомический справочник определял как плюсны, затем, нависевшись вдоволь, согнуться, подать корпус вперед и вверх и ухватиться за перекладину руками. С той разницей, что за турник Антон цеплялся все-таки двумя ногами, а не одной, шероховатая материя кедров обеспечивала лучшую сцепляемость, чем глянцевая гладкость резиновых сапог, да и сама перекладина располагалась не на высоте десятка метров и не над острыми камнями. Кроме того, нужно признать, это упражнение никогда не было его любимым.

Лестница-канат уже не раскачивалась из стороны в сторону и не закручивалась вокруг своей оси. Антон повисел еще немного, успокаиваясь и собираясь с силами. Сделал глубокий вдох, другой и... поймал себя на том, что просто тянет время. А, все равно не надышишься! Тогда он зажмурился так, что зашумело в ушах...

Иувидел на внутренней поверхности век улыбающуюся физиономию Жан-Поля Бельмондо. Вернее сказать, большой цветной плакат с его изображением. На плакате актер стоял на фоне неправдоподобно голубого неба, просунув большие пальцы рук в петли на поясе джинсов, в просторной рубашке навыпуск с засученными по локоть рукавами. Просто стоял, смотрел чуть исподлобья и улыбался. И ни взъерошенные ветром волосы, ни отчетливые морщины на лице, ни пухлые боксерские губы, ни нос – огромная, точно экспонат с выставки достижений народного хозяйства, картошка – ничто не могло нарушить его очарования. Бельмондо... Антон где-то читал, что все рискованные трюки в фильмах этот замечательный актер выполняет сам, без каскадеров и, кажется, без страховки. Совсем как Антон сейчас. Правда, в отличие от Жан-Поля, ему придется обойтись также без консультанта, без постановщика трюков, без осветителя и, самое главное, без надежды на повторный дубль.

Он открыл глаза. В темноте это не имело особого смысла, но он открыл их, как будто для того, чтобы взглянуть в лицо опасности. И когда он сделал это, изображение его кинематографического кумира сперва качнулось назад, словно от ветра, потом медленно растаяло. Но прежде чем оно полностью растворилось в окружающей тьме, Антону показалось, что лицо с плаката подмигнуло ему. Пора.

В голове уже не стучало – тикало. Счет шел на секунды. У него уже начались видения, что дальше? Постепенное онемение конечностей или сразу-тромб, спазм и пустота? Всепоглощающая атеистическая пустота?

– Бо... Боженька? – нерешительно позвал Антон, едва не выронив фонарик, и замолчал, не зная, что следует говорить дальше.

Никто не откликнулся на его невнятный призыв. Даже эхо.

Тогда он начал действовать. Не спеша, но и не теряя времени. Не давая себе возможности задуматься, снова начать взвешивать за и против и в итоге испугаться.

С первого же мгновения, е неловкого взмаха рукой и мысленного: «И – раз!» Антон почувствовал разницу. Он висит не на турнике, а то, что собирается сделать, не имеет ничего общего со знакомым упражнением. Это сравнение было необходимо на этапе раздумий, чтобы вывести его из прострации, помочь решиться, убедить, что он это сможет – и только! Дальше – только собственные силы и воля к победе, без упования на прошлый опыт. Ему не нужно выполнить задуманное технически чисто, пусть ни один судья не покажет ему даже шестерку, зато в результате он может обрести нечто большее, чем олимпийская медаль по спортивной гимнастике. Свою жизнь.

И – два!

Согнуться одним махом в три погибели не удалось, даже в две погибели не удалось, максимум в одну. Помешал рюкзак, о котором Антон в своих прикидках и расчетах как-то запамя-

товал. Его снова закрутило, два раза несильно приложило о скалу спиной, один раз затылком. Молодец, что не сбросил каску. И, может быть, дурак, что не избавился от балласта. Однако поздно жалеть.

И – три!

Он сгибался вперед все сильнее, хватался руками за собственные ягодицы, за бедра, взбирался по ним, похожий отчасти на барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя из болота, отчасти на Жан-Поля Бельмондо, который забирается по стойке шасси в кабину взлетающего вертолета... чтобы спустя минуту вывалиться обратно, естественно, без парашюта. Что же это за дрянь лезет в голову? А главное, до чего же вовремя!

И – четыре!

Голени, лодыжки, он как будто ощупывал их, проверяя, все ли на месте. Хотелось кричать, напряжение рвало натянутые мышцы, усилия требовали какого-то выхода вовне, но рукоятка фонарика распирала челюсти, и Антон просто мычал. Сначала от напряжения, а потом и от страха, который вплотную приблизился к критическому пределу, еще она капля – и взрыв. Сапог на правой ноге, до этого, казалось, засевший в веревочной петле плотно, как в капкане, тут неожиданно заскользил вниз. Медленно, точно давая Антону возможность осознать ужас происходящего.

И – пять!

Он не дотягивался – совсем чуть-чуть. Каких-то двадцать сантиметров отделяло его от спасения, но двигаться дальше не давал рюкзак, который давил на плечи, призывая распрямить спину. К тому же мешало невесть откуда вывалившееся брюхо. Антон никогда не чувствовал его так, как сейчас, стиснутый ремнем, сложившийся почти пополам отнюдь не гуттаперчевый дядюшка. И тогда он, извернувшись, выпростал правую руку из лямки. Рюкзак повис на левой, отчего Антон немедленно начал заваливаться набок, но все-таки сумел, дотянулся в последнем отчаянном рывке до комка узлов точно посередине лестницы и мертво вцепился в него такой жан-полевской хваткой за сущее мгновение до того, как выскользнул из петли-ловушки коварный сапог.

И – шесть!

Распрямившееся тело с размаху впечаталось в скалу. Крякнула каска, на миг онемело ушибленное плечо, но все это уже не имело значения. Он удержался. Он победил. Он...

И – шесть? – Почему-то именно это числительное прочно засело в мозгу и теперь цеплялось за все подряд, мешая течению мыслей. – И – шесть?!

Примерно за такое время брошенный с обрыва камешек достигает дна. Антон неожиданно содрогнулся всем телом. Несколько подряд идущих спазмов волнами пронесли от пяток к темечку, вздыбили островок давно не чесаных волос на макушке. Запоздавшая судорога скрутила правую икру. Потом он задрожал.

Он дрожал, вцепившись в плетеную веревочную головоломку, – сплетенную им самим на свою же голову, – теперь уже ничем не похожий на звезду мирового кинематографа, и все его мышцы, казалось, тоже заплетались в узлы и расплетались снова, и это продолжалось вечно. Вдобавок Антон чувствовал, что как-то неправдоподобно быстро и обильно покрывается липким потом.

Возможно, таким образом, через дрожь, через пот, сочащийся из всех пор, выбирался из тела застарелый страх. Из тела и из души. «Только бы навсегда! – думал Антон. Да что там, не думал – молился. – Пусть уходит! Я... не хочу больше перевернутого неба!»

Он не двигался с места до тех пор, пока не иссякли запасы подкожной влаги, а дрожь не утихла до умеренной, только пару раз перехватывал скользкий трос влажными ладонями, чтобы не сорваться. Все это время он думал.

Два пути открывались отсюда-из точки, подвешенной где-то между землей и, строго говоря, тоже землей: путь вперед и путь назад. Иными словами, вверх и вниз. Он вполне мог

вернуться, прямо сейчас. Более того, если он вообще собирался возвращаться в обозримом будущем, как раз сейчас у него был для этого достойный повод и оправдание. Свою суточную норму по приключениям он выработал сполна. Он честно попробовал, у него не получилось, теперь он вернется, чтобы отлежаться, восстановить силы или хотя бы дожидаться, пока не уймется мерзкая дрожь в коленках, и попробует еще раз завтра с утра. Аля углядит в случившемся недобрый знак, примет мужа и ни в чем не упрекнет. Разве что взглядом... Этим своим «как же ты мог допустить такое?» взглядом...

Так вверх или вниз? Да, наверху его ждала Аля со сломанной ногой и прогрессирующими галлюцинациями. Лежище, к которому он успел привыкнуть, и медленное мучительное умирание от истощения. Тогда как внизу... вполне возможно, что там его вообще не ждал никто, кроме неизвестности. А неизвестность означала надежду.

Аккуратно и немного скособочено, стараясь не уронить болтающиеся на одной лямке рюкзак и фонарик, который – вот чудо-то! – он так и не потерял во время захватывающего акробатического номера, но, наверное, навечно оставил на рукоятке оттиски своих зубов, Антон начал спускаться.

Почувствовав под ногами твердую землю и отнюдь не острые, как рисовало его воображение, а вполне даже гладкие камни – впрочем, разве это что-то меняет? – он первым делом вынул изо рта изжеванный фонарик, сбросил с плеча чугунную тяжесть рюкзака, после чего неожиданно для себя взмахнул руками, подключил голову и корпус и изобразил что-то вроде шуточного полупоклона, отчасти циркового, отчасти мушкетерского, хрипло выдохнув при этом:

– Вуаля!

Причем Антон не припоминал, чтобы когда-нибудь до этого выражался вслух по-французски.

Глава четвертая. Толик Голицын

«Счастье на тонких ножках.

...не монолитный, как в современных квартирах, а простой деревянный, в две доски. Зато широкий – хватало места и для бабушкиных „столетников" с „декабристами", и для кружевной салфетки с тяжелым нефритовым слоником, которого папа привез из Египта, и для целого автопарка из семи сверкающих моделек „по три пятьдесят".

Между неплотно пригнанными досками оставалась длинная черная щель толщиной в Димкин мизинец. В ней постоянно скапливалась всякая чепуха: опавшие листья комнатных цветов, скатанные в шарики фантики от сосучек, сломанные карандаши... Димка любил рисовать, сидя на подоконнике, спиной к прохладному стеклу. Конечно, когда поблизости не было нервных взрослых: все-таки третий этаж...

Деду Сереже не нравилась вытянутая прогалина посреди подоконника. Он считал ее „непорядком" и вел со щелью затяжную, с переменным успехом, войну. Каждую весну дед доставал с балкона пятилитровую банку с похожей на скисшие сливки краской, сетовал, что опять присохла, и большим портняжным ножом – полоской закаленной стали, заточенной с одной стороны и обмотанной изоляцией с другой – срезал плотный верхний слой. Потом брал кисть и методично, ровным слоем, замазывал пространство между досками густой белой краской, которой еще неделю потом пахла вся квартира. Но все равно уже к осени – от влаги ли, от сухости – доски подоконника расходились по новой, краска крошилась, и щель проступала на прежнем месте. Чтобы уже через несколько дней забиться привычной чепухой.

Ее также можно было использовать как тайник. Когда по телевизору передали про отрытую капсулу с письмом, которое комсомольцы шестидесятых оставили в земле для тех, кто придет им на смену двадцать лет спустя, Димка немедленно загорелся идеей тоже отправить послание в будущее, но не каким-нибудь незнакомым потомкам, а самому себе. Взрослому. Он не был до конца уверен в том, что представляет собой капсула, но, вроде бы, это какая-то часть патрона, а патрон у Димки был, от автомата. Его подарил папа, когда вернулся из какой-то далекой африканской страны. Вернее, не патрон, а уже отстрелянную гильзу, но так было даже лучше. Гильзу не надо разбирать, чтобы засунуть в нее письмо. Коротенькое письмецо – такое, чтобы поместилось внутри, свернутое в трубочку.

„Вот ты и вырос большой, – написал Димка. – Наверное, уже закончил школу, – он подумал и добавил: – на одни пятерки!"

На этом первая сторона листа закончилась, и Димка перевернул на вторую. И понял, что понятия не имеет, о чем бы написать еще. О чем-то таком, что не перестанет интересовать его и через два десятилетия. О рисунках? Взрослому Дмитрию Анатольевичу наверняка будет не до них. О коллекции машинок? Тоже не то. Скорее всего к тому времени у него останется одна-единственная машина, зато она будет в 43 раза больше любой из нынешних моделек. Тогда о чем? Острые листья столетника щекотали голое колено и мешали собраться с мыслями.

„Вспоминай обо мне хоть иногда, – в конце концов написал Димка и добавил: – Ну все, пока, а то место конч“, с сожалением отметив, что свободного места оказалось даже меньше, чем он предполагал.

Однако переписывать послание он поленился. Вложил свернутую записку в гильзу, сплющил пассатижами ее острые края – чтобы за двадцать лет бумага не пострадала от сырости – и начал было протискивать капсулу в щель, как вдруг обнаружил, что местечко, идеально подходящее для тайника, уже занято.

В нем сидел паук. Восемь длинных лапок-волосков и круглая серая голова, сверху равномерно покрытая какими-то вмятинками, как подушечка одуванчика, с которого сдули все „парашутики“. Две передних лапки паука торчали наружу и ощупывали пространство перед собой наподобие кошачьих усов. В крошечных, меньше острия иглы, черных глазках Димка умудрился разглядеть недовольство. „Должно быть, я кажусь ему злобным великаном, – подумал он.-А щель в подоконнике он принимает за полнопрофильный окоп“. О разных способах окапывания ему рассказывал отец.

– Ну хорошо же... – За девять лет общения с взрослыми Димка уяснил, что именно такое начало фразы, как правило, не предвещает ничего хорошего. Он наклонился над подоконником так низко, как будто предлагал пауку взобраться к себе на нос, и спросил: – Так значит, вызываешь меня на бой, ничтожная серая букашка? Ладно, я принимаю вызов. – Он подул на паучка и, когда тот сложил лапки вдвое и скорчился на дне щели, рассмеялся: – Ага, трепещешь!

Однако крошечный сухопутный осьминог оказался неожиданно прытким и маневренным. Когда три минуты спустя в комнату вошла баба Настя, Димка все еще гонял паука из одного конца окопа в другой, помогая себе пассатижами и заточенным с двух сторон сине-красным карандашом, но выманить из укрытия пока не смог.

– Митенька! – всплеснула руками бабушка. – Ты что же это делаешь, маленький?

– Паука ловлю, – доложил Димка, вытягиваясь по стойке „смирно“.

– Зачем же?

Димка растерялся. Что значит зачем? А кто на пару с дедушкой по ночам врывался в кухню с тапками наперевес? Или паук чем-то лучше таракана?

Последний вопрос он повторил еще раз, вслух.

– Конечно, лучше. Разве ты не знаешь, что пауки приносят в дом счастье?

– Они? – Димка с удивлением уставился на паучка, который, почувствовав, что угроза миновала, выбрался из щели.

„Много ли счастья принесешь на таких тоненьких лапках?“ – усомнился мальчик. Однако до сих пор у него вроде бы не было оснований не доверять бабушке. Подумав еще, он решил, что счастье, вообще-то, и не должно быть тяжелым. Так что, пожалуй, и этой крохе оно придется по силам.

– А если дать ему конфету, он возьмет? – спросил Димка.

– Разве что маленький кусочек, – рассмеялась бабушка, и Димка поразился, до чего же морщинки на ее лице похожи на тоненькие ниточки паутины.

– Баб Насть, – почувствовав, что сегодня у него получится особенно хорошо, сказал он, – можно я тебя нарисую?

– Ну... попробуй, – улыбнулась польщенная бабушка, и он моментально стогнал на кухню за трехногой табуреткой.

„Жалко, что я уже запечатал капсулу, – думал Димка, увлеченно водя по бумаге поочередно то синим, то красным концом карандаша. – Надо было положить туда бабушкин портрет. Через двадцать лет ей было бы приятно посмотреть на себя, еще совсем не старую...“

Гнездышко для хранителя семейного счастья соорудили из скорлупы грецкого ореха. От поделенной по-братски конфеты паук отказался, но Димка насыпал перед ним целую горку из хлебных крошек, очищенных семечек, зернышек пшена, налил воды в блестящую обертку от шоколадной медальки, зачем-то притащил травы с улицы – и понадеялся, что хоть что-нибудь из предложенного меню придется ему по вкусу.

Кажется, ему понравилось. По крайней мере спастись бегством паук больше не пытался.

– Смотри, никуда не уходи, – шепнул Димка в скорлупку, прежде чем отправиться спать. – И еще это... Ешь побольше. Тренируй лапки...»

(А. Голицын,

газета «Сосед по парте», №24, 2003.

Тираж 33490 экз.)

Обнаружив в приемной скучающего Бориса, Толик, разумеется, обрадовался, но и смутился слегка, как если бы встретил хорошего человека в не очень подходящем месте. Скажем, в очереди к урологу, где глупо спрашивать приятеля: «Как дела?» Как видишь...

– О, поручик! – улыбнулся Борис. – Как рука? – Он приглашающе похлопал по обивке кожаного диванчика рядом с собой.

– Нормально, – ответил Толик, присаживаясь. Ему импонировала забота друга.

Собственно, с рукой все было в порядке с самого начала. Просто чуть ободрал костяшки, мазанув вместо чьей-то скулы по шербоатой стенке дома. Вот если бы бил не для остротки, а на поражение... А так – ничего особенного, пара царапин и содранный кусочек кожи, не будь которых, пожалуй, и не вспомнил бы наутро, как сражались за правое дело, как гнали какие-то тени по темным переулкам, как братались с союзниками у ночного ларька и с недельным опозданием поздравляли продавщицу с женским днем.

– Принес? – осведомился Борис.

– Ага.

– Много получилось?

– Да вот... – Толик достал из пакета расплывающуюся пачку листов, поправил, постучав по колену, и передал Борису, а пустой пакет сложил и убрал в карман.

Борис подержал пачку на ладони, как будто умел определять объем рукописи на вес. Оказалось, не объем даже – стоимость!

– Триста баксов, – прикинул он.

– Погоди считать, пусть сначала возьмут.

– Возьмут, не сомневайся. Первый раз у всех берут. Хвалят и просят приносить еще.

– Почему?

– Заманивают, наверное... Потом начинают проявлять избирательность.

– Получается, ты здесь уже не первый раз? – спросил Толик, скрывая разочарование. А он-то, наивный любитель, гордился своей оперативностью! Так прищипорить пегаса, чтобы за четыре дня выдать тридцать без малого листов – шутка ли? Для профессионала, выходит, шутка. Они этих пегасов, небось, шестерками запрагают.

– А ты думал! – усмехнулся Борис, давным-давно исключивший скромность из списка своих недостатков. – Кто рано встает, поручик, тот что?

– Бледный урод, корнет?

– Вот именно!

Стоило помянуть уродов, как наружная дверь скрипнула и приоткрылась ровно настолько, чтобы впустить в приемную большую круглую голову в плоской кепке. То есть на полметра.

– О, вы уже тут? – обрадовался турбореалист П...шкин. – Везде жизнь!

Он прикрыл за собой дверь, посмотрел на занятый диванчик, на пустующий секретарский стол, на пару стульев у стены – и небрежно приземлился сразу на оба. Должно быть, никого не хотел обидеть. П...шкин снял кепку, пару раз обмахнулся и положил на колени, но на лбу, как след от козырька, осталась рельефно выступающая складка, подчеркнутая горизонтальной морщиной в форме упавшего на спину интеграла.

– Тут как тут, – вежливо согласился Борис и демонстративно полуобернулся к Анатолию. – Ну, а по сюжету на что похоже? – Твердый палец постучал по верхнему листу рукописи.

– Ну-у... – замялся Толик.

Вроде бы давно пора привыкнуть, ан нет. Он до сих пор стеснялся обсуждать свои работы с кем бы то ни было, даже с Борисом. Выложить в трех сбивчивых предложениях то, над чем страдал неделю? Наплевать на стиль, на тщательно подобранные сравнения, на интригу – и выдать голый сюжетец, как ошипанную тушку прекрасного павлина? Ну ладно, пусть не прекрасного, но и не мутанта с магнитогорского БВК... Все это слегка коробило Анатолия. Присутствие всегда готового похихикать турбореалиста добавляло ситуации дополнительную пикантность.

– Понятно, – выручил Борис приятеля, которого за это самое «ну-у» часто ругал и про себя называл «нудистом». – Очередная милая сентиментальная чушь? Что-нибудь про зубную пасту «Поморин» и колбасу по три пятьдесят?

– Не про колбасу, – смутился Толик. – Про машинки.

– Ну хоть с ценой я угадал!

Желтозубая улыбка Бориса вызвала у Анатолия злорадную мысль: «Жаль, что во времена ТВОЕЙ молодости не существовало зубной пасты „Поморин"», следом за которой пришло смущение и потребность оправдаться.

– Я же не виноват, что мне нравится возвращаться в прошлое? – В вопросе таилось сомнение. – В детство...

– Тебе бы не помешало хоть изредка возвращаться в настоящее время. В нормальную, взрослую жизнь. Мал ты еще, сынок, чтоб ностальгировать. Так там у тебя только про машинки или?..

– Нет, – с облегчением признал Толик. – Там еще про одного мальчика...

– Девятилетнего?

– Естественно.

Девятилетние мальчики давно стали, если можно так выразиться, фирменным знаком Анатолия. Первые два раза это получилось случайно. Просто для развития сюжета требовался ребенок, он и вставил – мальчика. Оба раза почему-то девятилетнего. Внимательный Борис отловил такой момент и посоветовал культивировать. Даже если какой-нибудь фрейдист-любитель заподозрит в чем таком, предрек он, на популярности это не скажется. Разве что в положительном смысле... Ни в чем «таком» Анатолий себя, конечно, не подозревал, более того, все, что нужно, знал о себе доподлинно, так что мальчики после этого разговора стали появляться в его рассказах с фатальной неизбежностью. Когда естественно, сами собой, а когда и по принуждению, на грани притянутости.

– И что мальчик? – поторопил Борис.

– На его любимом подоконнике поселился паук. Мальчик... Димка хотел от него избавиться, но узнал от бабушки, что пауки приносят счастье, и передумал. Стал его кормить, тренировать, заботиться...

– Как вдруг... – Борис, как всегда, предугадал поворот в сюжетной линии. «Ему бы штурманом работать на трассе Париж-Даккар», – с завистью подумал Толик.

– Да, из командировки вернулся папа мальчика. Рано утром, когда все домашние спали. И навел порядок по-своему, по-военному.

– И?..

– Бабушка в то утро так и не проснулась.

– Мир праху, – сказал Борис и одобрительно заметил: – В твоём стиле.

– А позвольте полюбопытствовать, – встрял П...шкин, – старушка покойная по какой линии проходила?

«И чего тебе не сиделось в твоей турбореальности?» – мысленно вздохнул Толик, однако ответил серьезно:

– По маминой.

Как он и опасался, лысый турбореалист немедленно принялся хихикать, приговаривая:

– Я так и думал... Остроумно! Самый простой способ избавиться от тещи. Надо будет вечером пройтись метелочкой по углам. – Он быстро достиг пароксизма веселья, еще раз дрогнул кадыком и сказал: – Извините. Просто смешно иногда становится, как подумаешь, до какой степени готов прогнуться наш брат писатель. Только вы не думайте, я не вас имею в виду.

«Что за, с позволения сказать, человек!» – взглядом телеграфировал Анатолий Борису. Он считал так: раз уж сидишь вместе со всеми по уши, допустим, в еде, так хотя бы помалкивай. Не порть аппетит окружающим.

«Не обращай внимания», – также взглядом ответил Борис.

Оба вздохнули.

– А ты, Борь, – неловко начал Толик. – Сам-то что принес?

– Кто же обсуждает не изданное? – Борис хитро подмигнул. – Можно ведь и сглазить.

В этот момент из шукинского кабинета выпорхнула поэтесса Кукушкина.

– Мальчики! – расплылась в улыбке она, а Толик, и без того чувствовавший себя неуютно, смешался окончательно и едва не покраснел, вспомнив, как тряслись в зажигательном ритме «техно» ее острые, почти треугольные груди. – Кто следующий в абортарий?

Борис поднялся с диванчика под одобрительный выдох пружин.

– Давай-давай, – напутствовала Клара. – Простынку чистую не забыл?

Новое разочарование подстерегло Толика сразу за порогом кабинета, когда он, дождавшись очереди, предстал пред светлы – впрочем, кто их разберет за темными солнцезащитными стеклами? – очи Василия Щукина. Златовласки в кабинете не было. Была чернявая с премилой улыбкой на темно-красных губах, был хозяин кабинета, вставший из-за стола, чтобы встретить дорогого гостя. А вот златокудрой нимфы нигде не наблюдалось. Жаль, ведь Толик втайне надеялся обменяться взглядами именно с ней. А то и перекинуться парой слов, если только сможет найти их.

Отсутствовал также один из столов – как раз тот, на полировке которого оставил свой непечатный автограф последний представитель плеяды: Бунин, Пастернак, Шолохов, Солженицын, Коровин. Решили толкнуть с аукциона? Не исключено.

Лицо Щукина всеми щетинками выражало радость от встречи.

– Анатолий Владимирович! – поприветствовал он. – Весьма признателен!

Толик невольно напрягся: если знает отчество, то может и, чего доброго, быть в курсе настоящей фамилии. И ограничился официальным:

– Здравствуйте.

Рукопожатие хозяина оказалось неожиданно неприятным: ладонь-липкой, а ее тыльная сторона свидетельствовала о таком избытке мужских гормонов, какого Анатолий не встречал прежде, пожалуй, ни у кого. Теперь он вспомнил, что во время прошлой встречи кисти Щукина почти все время скрывали рукава. Даже в моменты увлеченной жестикуляции наружу из-под обученных обшлагов торчали одни пальцы. Тоже, кстати, весьма заросшие.

Мерзнет он, что ли, постоянно? С такими ладошками? Не должен бы... Такими в пору подростков пугать в пору пубертатного нарциссизма.

– Вы позволите? – спросил Щукин, как будто извиняясь, и покосился на листки рукописи, снова разлохматившиеся неопрятным пучком.

Заполучив желаемое, тут же присел «ознакомиться». Это тоже было непривычно. В нормальных редакциях рукопись, как правило, принимали вежливо-равнодушно, клали на полку (один раз даже в картонную коробку из-под телевизора) и в лучшем случае говорили, когда позвонить.

Внимательного, вдумчивого чтения здесь было минут на тридцать-сорок, но Щукин просканировал текст со скоростью Терминатора. Сравнение навеяно очками.

– Сколько здесь? – спросил он уже через четыре минуты.

Вопрос не застал Толика врасплох. Он знал несколько способов пересчета обычных печатных листов в авторские: по количеству знаков в тексте, с пробелами и без, по числу машинописных, набранных через два интервала, страниц. Знал он также, что в зависимости от того, какой из способов выберет редактор, неопытный автор может недосчитаться до двадцати процентов гонорара. Неопытным автором Толик себя не считал. По крайней мере, старался не считать. Поэтому вариант пересчета выбрал наиболее благоприятный, а потом еще и округлил результат в выгодную для себя сторону:

– Примерно... полтора листа.

– Пусть будет два, – взмахнув пальцами, решил Щукин, и уже повернувшись к Толику спиной и приятно пощелкивая сферическим замком сейфа, прокомментировал: – Очень хорошо.

«Четырнадцать щелчков по часовой стрелке», – зачем-то запомнил Анатолий.

– То есть все, начиная с названия. «Счастье на тонких лапках», – смакуя, повторил Щукин. – Просто, наивно, конкретно... Вы не представляете, насколько выгодно ваш рассказ отличается от того, что мне обычно приходится читать. Антропоморфные притчи, энтومологические разборки под прицелом микроскопа, неискренние, как сочинение на уроке биологии. Взять хотя бы тот зарифмованный сублимационный бред, который выдала под видом поэмы Кларисса Кукушкина. Вы не читали?

– Нет.

– И правильно. В нем же ничего не понятно, кроме подписи автора! Сплошные ощущения, подсмыслы, обертона... Или обертоны? Сугубо между нами: по-моему, стриптиз в окружении пустых бутылок получается у этой милой леди гораздо лучше, чем стихи. Насколько мне удалось разобраться в сюжете, кто-то там кого-то чем-то опутывает и куда-то затягивает, причем самому кому-то это, в принципе, нравится. Ну! А ведь нас не интересует покорность, это глупо. Мы не ориентируемся на аудиторию поклонников Захер-Мазоха...

«Двадцать шесть в обратную сторону», – отметил Толик.

– ...только доброжелательность. У вас, кстати, эта мысль отражена просто замечательно. Как ловко вы переводите стрелки на тараканов – таких, их прямо видишь, мерзких, уса-тых, рыжих – бр-р-р! Извините, Корина... Разумеется, избавить человечество от брезгливой нелюбви к паукообразным и членистоногим вообще нам не под силу. Но отвлечь их внимание от ни в чем не повинных пауков, перенаправить вектор неприятия на комаров, клопов, мух и прочих кровососущих и разносящих заразу-вот наша задача на ближайшее будущее.

«И еще шестнадцать – нет, семнадцать по часовой». Расчет окончен.

Толстая бронированная дверца прижалась к стене, но расстегнутый пиджак хозяина надежно оберегал содержимое сейфа от постороннего любопытства.

– И в этом вопросе я искренне надеюсь на вашу, Анатолий, помощь, – заключил Щукин, вручая Толику несколько купюр, которые, даже сложенные вместе, не тянули на название «пачка». Максимум, пачечка.

Прежде чем спрятать в карман джинсов, Толик перетасовал купюры. Не пересчитывал – чего там! – просто рассматривал. Погладил подушечкой пальца ребристый воротник на широких плечах одного из авторов «Декларации независимости» США, отчего улыбка Щукина стала еще лучезарней.

– Настоящие, настоящие, не сомневайтесь, – заверил он. – В Америке и то таких нет! – Тут же предложил: – Может, по пятьдесят грамм? За успешное начало совместной деятельности? – И добавил, словно в оправдание: – С банкета осталось.

Однако рюмки достал тридцатипятиграммовые. Как будто заранее поделил два по пятьдесят на троих, включая чернявую Корину, которая мило поморщилась, вздохнула: «Ох уж эти мужские традиции!», но рюмочку опрокинула.

Такого воодушевления, какое посетило его в кабинете Щукина, Анатолий давно уже не испытывал. Если вообще испытывал когда-нибудь. Именно оно помогло сдержать брезгливую гримасу от повторного хозяйского рукопожатия – которое, к слову сказать, не показалось Толику таким уж неприятным – но оно же не защитило его от победительной улыбки, которая сама расплзлась по лицу при виде заскучавшего в одиночестве турбореалиста.

– Проктолог сказал, – играючи импровизировал Толик, – чтоб неженки и эстеты в очередь больше не становились. У него перчатки одноразовые кончились.

«Нет, пожалуй, все-таки испытывал, – сам себе возразил Толик, подразумевая степень воодушевления. – Тогда, помнишь?»

Он помнил.

В тот раз, на встрече с читателями, Борис Оболенский помимо автографа начеркал на книжном листе несколько цифр, которые Толик поначалу ошибочно принял за дату. Правда, довольно скоро он сообразил, что сорок четвертое число пятнадцатого месяца – явный перебор, и выдвинул новую версию восторженным шепотом. Номер телефона! И за свою смекалку был вознагражден приглашением звонить, если что...

«Если чего» Анатолий дожидаться не стал. Уже утром третьего дня, набравшийся и малость даже перебравший решимости, он потыкал пальцем кнопки телефонного аппарата и сказал в трубку отчетливо:

– Але?

Вопреки опасениям, на том конце его сразу узнали и, кажется, даже обрадовались.

– А-а, просто Толик, – отозвался Борис, тогда еще – Борисович. – Чем занимаешься? Вот и я ничем.

И предложил вечером заглянуть к нему в гости – так, запросто.

– Только, – добавил, – тут такое дело... Жена с Андрюшкой неделю тому укатали к теще. В холодильнике, сам понимаешь, хоть в боулинг играй...

– Что купить? – на лету ухватил окрыленный Толик.

– Возьми, пожалуй, пару беленькой. А лучше три – на случай, если засидимся до завтрака.

И это еще... Прихвати там чего-нибудь из своего.

– В смысле? – не понял Толик.

– Почитать.

Толик медленно положил горячую трубку и испытал мгновенный приступ паники.

Вопрос с выпивкой решался просто: в фирменном у дома купить «Гжелки», в идеале – 12-го цеха. По слухам, водка, разлитая в этом цеху, обладает слезной чистотой и чуть ли не

оздоровительным свойством, поскольку – тут в слухах наступают разночтения – работают в нем то ли беременные женщины, которые не отливают и, соответственно, не разбавляют, то ли, наоборот, прожженные алкаши, которые зарплату получают продуктом, и оттого кровно заинтересованы в его высоком качестве. Так что с этой частью заказа проблем не было.

А вот насчет своего...

В арсенале у Анатолия был всего один роман из разряда вечных – не по времени популярности у читателей, которых пока не было, а по срокам написания. С полгода назад он придумал и записал интригующее начало, но такое закрученное, что пытаюсь раскрутить его, главный герой по любому погибал. Максимум, на 40-й странице.

И кроме этих 39-ти страниц, обрывающихся на полуслове «внеза», похвастаться Толику было нечем.

Но это продолжалось недолго.

«PDJYJR YF YT,TCF.» – напечатал он по центру листа, как только на экране монитора развернулась рабочая панель шестого WinWord'a. Потом стер написанное, переключился на русский шрифт и в последующие четыре часа ни разу не поднял взгляда от клавиатуры.

– Правильная водка, – одобрил Борис, рассматривая сквозь бутылочное стекло обратную сторону этикетки. – Язвенники из двенадцатого разливали. Ну, будем, что ли?

К радости Толика, о рукописи заговорили не раньше, чем перебралась под стол первая поллитровка. Только когда разлили по четвертой (Толик предусмотрительно попросил: «Мне поменьше», но не был услышан), Борис по-хозяйски потянул из пакета пачку смявшихся листов.

– Что тут? «Звонок на небеса»? Любопытно...

И внимательно просмотрел все от первого до последнего, отделяя прочитанное пустым стаканом – чтоб не сдуло со стола сквозняком. Потом собрал листки вместе, молча убрал обратно в пакет, налил по полной... Все это время Толик с внутренним трепетом, который мало-помалу переходил в подрагивание пальцев, ожидал вердикта. Безрадостного? Скорее всего.

– Хорошо, – сказал Борис. – Простовато, конечно, местами наивно, а кое-где так чересчур конкретно в плане морали, но в целом хорошо. Весьма. Правда, опечаток там... Такое ощущение, что ты все это накатал в лифте на коленке. Нуда не беда, щас вычитаем.

Так и поступили. Вычитали. Придумали благозвучный псевдоним. Произвели в поручики. Засиделись, как гениально предвидел хозяин, до утра. Потом до следующего вечера. Новоиспеченный поручик наскоро вздремнул на столе и сбегал к метро за добавкой. Потом... по счастью, вернулась от мамы строгая Наталья и разогнала пьяную компанию по лавкам. Спать.

«Ма! – слышалось отлетающему в мир грез Толику, – а этот смешной дядя в одном носке тоже писатель?», так что он вынужден был задержаться, зависнуть на границе сна и яви, чтобы подслушать столь важный для него ответ. Дождался сварливого: «А то сам не видишь!» и заснул, умиротворенный вконец.

Только умилился напоследок детской наивности. Конечно же, носков на нем было положенное количество. Просто оба пришлось натянуть на левую ногу, которая в какой-то момент затянувшегося вечера начала вдруг без видимой причины мерзнуть. Буквально коченеть. Это было необъяснимо и странно. Почему только левая? Почему не, допустим, обе? Вот и сердце, вроде, с левой стороны...

– Проблемы с сосудами, – пощупав пальцем ледяную лодыжку, диагностировал Борис. – Надо было брать три по ноль семь.

Так вот, слышать ту первую, не Бог весть какую щедрую похвалу – не от читателя, не от критика, а от собрата по цеху – Толику было не менее приятно, чем сегодняшнюю. Пожалуй, даже более. Да, более-менее...

Борис, как условились, дожидался приятеля на улице.

– Холодно, – пожаловался он, прикуривая новую сигарету от истлевшей до основания. Боря называл это «экономить бензин». – Пришел марток, поручик, надевай семеро чего?

– Чего семеро?.. одного козлят? – растерянно предположил Толик. Он и вправду не помнил, как в оригинале заканчивалась пословица.

– Воистину!

Весна, которая не так давно, казалось, вступила в свои права, теперь добровольно от них отказывалась. С неба то лило, то сыпалось. В рукава, штанины и за шиворот задувало. Под ногами хлюпало. В душе пело.

Толик, хоть из-за коньяка и теплого приема у Щукина холода пока не чувствовал, на всякий случай застегнул куртку на все пуговицы и перебинтовал шею колючим мохером.

– Я тут одно местечко знаю, – грея пальцы табачным дыханием, проговорил Борис. – Ресторанчик небольшой – милый, уютный... – И даже название сказал, но Толик ему не поверил. Ну не зарегистрировать такую торговую марку в Москве, поскользнуться ему на месте!

– Да, надо бы обмыть такое дело, – согласился Анатолий, которому нерусские деньги с непривычки жгли карман. Впрочем, в первом же обменнике улыбая девица дала ему за один портрет Франклина тридцать две открытки с видами Большого театра, на редкость однообразными, которые карман уже не столько жгли, сколько распирали.

– А ты заметил, какая у Щукина рука волосатая? – на ходу спросил Толик.

– Ты в смысле блата? – уточнил Борис. – Лохматая, иначе говоря, лапа?

– Да нет, я в смысле гормонов. У него же руки как у хоббита ноги. Что, правда, не заметил?

– А-а, волосатая... – пренебрежительно повторил Оболенский. – Это что! А вот ты, например, обратил внимание, сколько их у него?

– Чего, рук?

– Да, да, верхних конечностей.

– То есть? – насторожился Толик. – Одна точно на месте. Вторая, вроде, тоже не протез.

– Одна, вторая... А шесть не хочешь? – огорошил вопросом Борис и оживленно заговорил: – Я ведь тоже, если честно, не сразу заметил. Только когда он в сейф за коньяком полез, спиной к столу повернулся, а на столе-то рюмки стояли. Ну, он одну возьми да и зацепи по нечаянности полкой пиджака. Рюмка набок-и покатила, но только докатилась до края, как из-под полы лапа волосатая высунулась, правда мелкая какая-то, рудиментарная, наверное, и – хват! Тут он, Василий, отчества не помнящий, обернулся посмотреть, не заметил ли кто. В одной руке у него бутылка, в другой мой гонорар, а рюмка-то, получается, за спиной – в третьей? Он ее, конечно, сразу выронил, не пожалел божьего стекла, но смутился весь, лицом опомидорел – в общем, стал Божий Василек краснее мака. Смотрит в глаза – жалобно так, будто просит: «Боренька, не выдавай, а!»

– А ты?

– А я... Кивнул с пониманием. Мне-то что? С руками или без рук, лишь бы оплату не задерживал.

– А почему ты сначала сказал, что рук было шесть? Видел-то только три.

– Так... где три, там и шесть. По индукции.

– Врешь! – убежденно сказал Толик.

– Да нет, концепцию обдумываю. А? Чем не сюжет?

Борис вздохнул и следующие пару кварталов сам себе объяснял чем. Не та, понимаешь, установка. Тут ведь, как у Кашпировского, нужна установка на добро. А какого добра ждать от злобного паукообразного монстра? Никакого!

Одним словом: э-эх...

– Ты, часом, не в ментовскую столовку меня ведешь? – поинтересовался Толик, когда они прошли мимо десятого подряд припаркованного поперек тротуара белого «форда» с голубой полосой.

– Не-ет, – усмехнулся Борис. – Просто там в соседнем доме райотдел.

– Удобно. Если вдруг разбуянимся, далеко не повезут. Утром выпустят, тут же и продолжим.

Когда дошли до вывески, выяснилось, что сомнения Толика насчет названия заведения были не беспочвенны. На самом деле назывался ресторанчик вполне пристойно: «Старая мансарда». Просто, представляя его, Борис, шутки ради или для краткости, укоротил «мансарду» на средний слог.

Зашли. Первым делом Толик оценил антуражик и нашел, что атмосфера старой мансарды передана достоверно. Дубовые столы и облицовка стен. Коварные светильники под потолком в виде ярко освещенных окон, из-за которых посетителям, наверное, должно казаться, что солнце еще высоко и домой можно не торопиться. Какие-то вилы, ухваты и прочая деревенская утварь по углам, глиняные вазочки с букетиками злаковых, плотно увесившие стену подковки, серпы и другие забавные мелочи, без которых еще лет сто назад была немыслима жизнь сельского обывателя.

Мило, хоть в этом не обманул корнет, миленько.

Сели. Официантке за стойкой Борис издалека показал четыре пальца. Та уточнила что-то, сложив из пальцев решетку. Борис отрицательно покачал головой, прокомментировав для Толика:

– Фильтрованное пусть сама пьет.

Когда Алена – если верить бэйджику, на в меру оттопыренном нагрудном кармане – принесла четыре кружки «Пауланера», Боря попросил меню.

– Ибо, как говорится, не пивом единым человек что, поручик?

– Сыт, корнет?

– Фу, поручик! Постеснялся бы при даме... Вы уж его извините, Алена, груб и несдержан по молодости. А нам пока принесите... заказали по мелочи: гренки, два кокота в горшочке и сырные шарики, слишком горячие, чтобы ими жонглировать.

Чокнулись, так что вздрогнули от испуга пенные шапки.

– Первую, как водится, за предел допустимой концентрации? – предложил Борис.

– Лучше сразу за беспредел, – кивнул Анатолий и слизал с губ сладкую пену. Глянув на картонную подставку под кружкой, задумался, как бы увязать этот «Пауланер» с паутиной, пауками и прочим пау-пау... Но вспомнил, что временно на отдыхе, и отогнал подальше ненужные мысли.

Второй тост Толик поднял:

– За наши последние творческие успехи?

– За последние не будем, – возразил Борис. – Лучше, как летчики или моряки, выпьем за крайние.

– Ага, – развеселился быстро охмелевший Анатолий. – Тогда следующий тост будет за последнюю плоть.

– А вот этого не трожь, – строго нахмурился Борис и мимолетно взгрустнул о чем-то своем, фамильном.

Глава пятая. Аля

Давящая мрачность серых стен. Они нависают со всех сторон и сжимают голову словно тиски. Крупные камни, из которых они сложены, грубы и неотесанны. То же самое можно сказать о тех, кто несет здесь свою службу. Она почему-то не сомневалась в этом, хотя до сих пор общалась лично лишь с одним из служителей.

Она поднялась с продавленной соломенной подстилки, приблизилась к внешней стене и привстала на цыпочки. Такая же мрачная и монументальная, как все прочие, внешняя стена, по крайней мере, имела наверху, на высоте, куда дотягивались кончики пальцев, крошечное окошко, ко всему прочему забранное частой решеткой. Она запрокинула лицо, надеясь уловить кожей хотя бы слабое дуновение того ветерка, который, судя по звуку, весело резвился снаружи ее душной и пыльной темницы. Но тщетно. Капризный ветерок переменял направление. Не осенив своим дыханием даже молитвенно простертые к нему ладони, он выскочил из колодца тюремного двора и помчался куда-то по площадям и бульварам, мимолетом развеивая полы плащей солидных господ, сдувая легкомысленные шляпки с голов модниц и заглядывая под юбки хорошеньким цыганкам, которых что-то много развелось в последнее время в окрестностях Собора.

Тогда она закрыла глаза и стала слушать.

Далекая, так что ни слова не разобрать, речь. Хлопанье двери. Хохот, шум. Звуки большого города.

Цок, цок. Цок, цок. Ленивый перестук подков по мостовой. Скрип колеса, похожий на негромкий крик чайки. Чья-то карета там, за высоким забором. Крики чайки становятся все тише. Мимо... Как всегда, мимо.

Бряцанье ключей на огромной связке. Стук стоптанных башмаков в коридоре. Тум, ш-ш-ш-тум. Тум, ш-ш-ш-тум. Как будто идущий приволакивает ногу. По звуку этого не понять, но она готова побиться об заклад, что правую. И еще она готова держать пари на что угодно, что уж эти-то шаги мимо не пройдут. Это за ней. Клинк-клинк. Поворот ключа в замке. А-а-а-хум! Обшитая железом дверь нехотя провернулась на несмазанных петлях и в конце ударилась о стену.

Ну, что на сей раз? Она обернулась от окна. Кажется, поздновато для ужина.

Сутулая фигура тюремщика загородила дверной проем. Темный бесформенный балахон. Накинутый капюшон. Узкие прорезы глазниц в закрывающей лицо маске.

Зачем он прячется от нее? Зачем скрывает лицо? И успеет ли она получить ответы на свои вопросы? Хотя бы на один из них?

Она выбрала самый невинный.

– Поздновато для ужина, не так ли?

Не отвечая, тюремщик прошел мимо нее в угол камеры, к столу, на котором в странном подсвечнике из черного камня горела свеча. Что-то белело у него в руках, но она пока не могла понять, что именно. Но не обычный поднос с тюремной едой, это точно. Какой-то сверток. Какой?

– Вам... посылка... – медленно проговорил он, и оттого, что в маске отсутствовали прорезы для рта, его голос звучал глухо и казался зловещим.

Положил сверток на стол. Что-то размером с тарелку, завернутое в большой льняной платок. Один задругам, словно лепестки лилии, тюремщик развернул уголки платка. Первый, второй, третий, четвертый. Внутри оказался пирог.

Рука в черной перчатке на какое-то время потерялась в складках балахона, появилась снова. Теперь в ней была зажата длинная спица с острым концом, на котором заметны следы

древнего пламени. Вероятно, некогда спица занимала почетное место в арсенале мастера заплочных дел. Теперь у нее иное предназначение – дегустация сомнительных блюд.

– От кого это? – спросила она, за неискренним зевком пряча волнение.

Обожженный конец спицы вонзился в пирог. Проткнул верхнюю светло-коричневую корочку, без труда миновал мягкие внутренности, пробил крепкое основание. Дам, дам, дам. Глухой стук металла по дереву. Раз, другой, третий... В однообразных движениях тюремщика нет злости или желания унижить, лишь сосредоточенность и стремление выполнить свою работу добросовестно.

Интересно, что он предполагает обнаружить внутри? Отравленный кинжал? Моток веревки с изъеденным ржавчиной абордажным крюком? Напильник, с помощью которого она смогла бы перепилить чугунные прутья решетки? Смешно!

Как бы то ни было, сделав пару дюжин проколов, тюремщик, кажется, счел свой служебный долг выполненным.

Она уже не ждала ответа, когда из-под маски послышалось:

– От ваших... друзей.

После этого он ушел, а она проводила его внимательным взглядом. Что-то неуволимое не давало ей покоя всякий раз, когда она смотрела на эту маску, на эти перчатки, на балахон, надежно скрывающий фигуру, слышала голос, скупое роняющий короткие приглушенные реплики. Чудилось ли ей что-то смутно знакомое в личности тюремщика? Она не могла ответить – пока.

Клинк-клинк, данг! Брошенный чьей-то твердой рукой камень влетел в зарешеченное окно и удачно упал на подстилку в то самое мгновение, когда ключ повернулся в замке. Удаляющееся тум, ш-ш-ш-тум и мерное бряцанье ключей. За дверью ничего не услышали. Тук-тук-тук. Ах, как бьется сердце!

Так и есть! К камню примотан шнурком белый прямоугольничек. Записка? Она развернула.

О, да тут целое письмо, написанное четырьмя разными почерками. И первый из них... тук-тук-тук-тук-тук... заставляет ее сердце биться еще сильнее.

«Любимая! На тот случай, если ты голодна, предупреждаю тебя, не ешь этот пирог!»

Ниже, небрежным размашистым почерком:

«Да уж, боюсь, с начинкой мы малость перемудрили. По-моему, она получилась суховатой, а? Нет, такой пирог навряд ли придется кому-нибудь по вкусу. Особенно тем, мадам, кто имеет наглость держать в заточении такую красоту».

Третий: безукоризненная четкость линий и сухость формулировок. Никакой лирики, только подробная инструкция.

Проделать отверстие. Скрутить. Поджечь. Выложить пирог на окно, вплотную к решетке. Снова небрежно-размашистый:

«Да, как если бы вам взбрело в голову покормить птичек. Цып-цып-цып».

Почерк последнего округлый, с заметным левым наклоном, почти женский:

«И молитесь, сестра, молитесь. И тогда помощь наверняка придет к вам. Свыше».

А уже внизу, над самой кромкой листа – еще пять слов... Тук-тук-тук-тук-тук и прижать листок к груди, чтобы не выпрыгнуло сердце.

«Я буду ждать тебя, любимая!»

Ладони сами сложились лодочкой. Дождись.

Дырку в румяной корочке она проковыряла пальцем. Начинка и впрямь оказалась чересчур сухой, часть ее просыпалась на стол с негромким дробным стуком. Не то порошок, не то зернышки, не то мелко порубленный чайный лист. Она хотела бы рассмотреть получше, но не решалась подносить слишком близко пламя свечи. Фитиль из обрезка платка, в который была завернута посылка – платок оказался каким-то промасленным и легко рвался на полосы

– она скрутила быстро и умело, как будто делала это не впервые. Сложнее всего оказалось придвинуть к окошку тяжелый дубовый стол. Причем безо всяких кррррх-кррррх, чтобы не услышал тюремщик, возникни у него желание среди ночи прогуляться по коридору. Ей приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы раз за разом отрывать от пола массивные ножки стола и передвигать их на совершенно мизерные расстояния. Когда она покончила с этим, за окном уже серебрилась прибитая к небу подкова Луны. Пришел черед самого опасного. Укрепить, запалить от свечи... Она сделала все в точности так, как того требовала инструкция, забилась в дальний от окна угол, спрятала лицо в ладонях и стала ждать.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук... И вдруг:

БАААААА-БАХХХХ!

Вздрогнули стены. Сухой дождь просыпался с потолка. На месте недавней решетки торчали изуродованные дымящиеся прутья. Наверное, между ними можно пролезть, если не боишься испачкаться. И просто не боишься.

Но она боялась. В первые мгновения она чувствовала себя слишком напуганной даже для того, чтобы подняться на ноги. Но ей пришлось, потому что тум-тум, тум-тум по коридору приближался слишком быстро и без обычного ш-ш-ш. Ее тюремщик забывал приволакивать ногу, когда бежал.

Забраться на стол... Неразборчивые чертыханья и клинк-клинк в замочной скважине... Прогнувшись назад, высунуть наружу руку, затем другую, опереться о внешнюю поверхность стены... Раскатистое «А-а-а-хуммм!» отлетевшей в сторону двери... Просунуть вслед за руками голову, лицом вверх, потому что обещанная помощь должна прийти свыше. Теперь плечи, верхнюю часть корпуса...

– Сударыня! – голос самого старшего из четверых, того, кто составил подробную инструкцию. – Держитесь за эту веревку, сударыня!

Четыре смутные тени, черные силуэты на фиолетовом фоне неба. Плащи и шляпы делают их неразличимыми. Отчетливо видны лишь глаза, четыре пары сверкающих глаз, и ей кажется, что она узнает среди них те самые. Она чувствует это своим безошибочным тук-тук-тук.

С крыши спускается веревка, странно тонкая и неприятно липкая, но она, не раздумывая, хватается за нее, лишь бы скорей оказаться подальше отсюда, от этого тум-тум, тум-тум, которое раздается уже внутри камеры.

Ее тянут вверх. Ее хватают за ногу – правую – и, выкручивая, так что слышен треск костей, тянут вниз. Она кричит, потому что это ненормально, когда тебя вот так, без слов, без сопения даже, вообще без единого звука пытаются разорвать пополам. И тогда ее снова тянут вверх, с учетверенной силой...

И выдергивают из сна.

Сна.

Всего лишь сна.

Пусть, жуткого, как я не знаю что, но все-таки сна.

Но Аля не успела порадоваться этому открытию, поднявшаяся было откуда-то из центра груди волна облегчения ухнула обратно, больно придавив желудок, а шутливая фраза «Да-а, тебе, подруга, надо бы поменьше читать перед...» осталась незавершенной. Невысказанные слова примерзли к губам, потому что она вдруг услышала... Ее обострившийся в последнее время слух уловил чуть слышное трх-трх-трх откуда-то сверху, и инстинктивно задрал голову, она увидела глаза. Много глаз, четыре полноценных комплекта, если мерить человеческими мерками, и все такие огромные, что Аля закричала снова-теперь уже наяву. И крик ее стал еще громче, когда она поняла, что до сих пор, как обрывок, вырванный из контекста недавнего кошмара, сжимает в руке волокнистую, неприятно липкую нить.

Глаза моргнули, возможно, напуганные криком. Все четыре пары одновременно, как будто принадлежали одному существу, закрылись и больше не открывались. Только чья-то белесая тень прошмыгнула по своду пещеры в сторону выхода.

Аля не могла этого видеть, месяца, проведенного под землей, явно недостаточно, чтобы человеческие глаза полностью адаптировались и начали различать предметы в абсолютной темноте, но она *догадалась* об этом. Или каким-то образом *почувствовала* это. Совсем как тогда, в первый раз.

Она продолжала кричать, но теперь вместо протяжного, на одной ноте, воя, ее горло исторгало череду громких отрывистых воплей, как будто распирающий грудь крик оказался слишком большим, чтобы вырваться наружу целиком и его пришлось порезать на кусочки. Она не могла замолчать, и не хотела этого. Страх был сильнее нее.

Аля попыталась отбросить подальше невидимую, отвратительную на ощупь нить, резким движением, поскольку иначе та не хотела отлипнуть от ладони, но свисающая откуда-то сверху веревка, качнувшись, вернулась назад, мазнула ее по лицу и запуталась в волосах. Продолжая издавать крики, больше похожие на стоны, Аля обеими руками изо всех сил дернула за свисающий конец нити. Где-то под потолком раздалось громкое ККАРРРХ рвущейся ткани или, может быть, плоти, и мгновение спустя Аля почувствовала себя котенком, который слишком увлекся игрой с шерстяным клубком. Опутанная и облепленная, теперь она могла лишь стонать, не размыкая губ, чтобы какой-нибудь кусок этой дряни не оказался случайно у нее во рту. Ее спина и плечи сотрясались от постоянной нервной дрожи, а лицо превратилось в маску брезгливого отвращения. Аля отрывала от себя полосы волокнистой субстанции толщиной в мизинец, отцепляла их от своей одежды, кожи, волос и все с тем же ккарррх, но уже не таким громким, рвала их на мелкие кусочки и расшвыривала в разные стороны, насколько хватало сил. Волосы, лицо, плечи, наконец она освободилась целиком, осталась только липкость ладоней и пыльный запах носящихся в воздухе микроскопических волоконцев, от которого свербело в носу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.